This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

PG
3460
G3Z72

GLINKA.
GARSHIN KAK
RELIGIOZNYI TIP.

Digitized by Google

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Невдыгкиц.
Октябрь 1912

Религіозно-общественная библіотека.
Серія 1. № 5.

Волжскій.

Glinka, A. S.

Гаршинъ
какъ религіозный типъ.

Складъ изданій: Москва, Моховая, д. Бенкендорфъ, книжный магазинъ
Д. П. Ефимова.
1906.

Digitized by Google

Дозволено цензурою. Ростовъ-на-Дону, 8 августа 1905 г.

P6-3460
G3Z72

Типографія А. П. Поплавскаго, Лялинъ пер., соб. домъ.

Digitized by Google

«Послѣ смерти Будды его послѣдователи въ теченіе ряда столѣтій показывали въ пещерѣ его тѣнь, огромную, страшную тѣнь. Богъ умеръ, но родъ людской таковъ, что еще, можетъ быть, въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій просуществуютъ пещеры, гдѣ будетъ показываться Его тѣнь. А намъ—намъ предстоитъ еще побѣдить эту тѣнь»,—такъ говоритъ Ницше въ «Веселой наукѣ». Онъ глубоко прочувствовалъ атеизмъ и, благодаря этому, понялъ глубь религіозности, живучесть ненавистнаго ему христіанства, которое онъ умѣетъ различать по какимъ-то его, такъ сказать, вторичнымъ признакамъ въ различныхъ теологическихъ, моральныхъ переживаніяхъ. Ницше страшно, болѣзненно чутко ощутилъ въ своихъ отрицательно-религіозныхъ настроеніяхъ «тѣнь Бога», скрытое дыханіе христіанства. И она, эта тѣнь, слишкомъ часто властно царитъ тамъ, гдѣ ея не видятъ, не хотятъ видѣть, думая, что убили Бога...

Тѣнь христіанскаго Бога болѣе или менѣе явственно рѣетъ надъ всей исторіей русской литературы, до XIX вѣка включительно. И здѣсь живучесть христіанства сказалась не только въ томъ или иномъ смыслѣ положительныхъ по отношенію къ нему настроеніяхъ славянофильства, Гоголя, Толстого, Достоевскаго или Вл. Соловьева, но и въ отрицающемся духа Христова, повидимому, атеистическомъ и раціонально-позитивномъ западничествѣ, западническомъ народничествѣ. Скорбно-страдальческій, покаянно-мученическій гуманизмъ его, въ сущности, религіозное переживаніе; урѣзанное, зарисованное почти до неузнаваемости, не сознавшее себя, но въ глубоко скрытой основѣ своей чаще всего—христіанское. Духовное питаніе, берущее скрытое начало въ религіозно-христіанскомъ источникѣ, здѣсь сильно и обильно. Вся полоса бо-

Digitized by Google

лѣній совѣсти, начиная отъ первоначальнаго своего сантиментально-барскаго зародыша въ Григоровичѣ, въ «Запискахъ охотника» Тургенева, и, пожалуй, и еще болѣе ранняго, въ «Путешествіи изъ Петербурга въ Москву» Радищева,—и далѣе въ воспаленно-страстныхъ народническихъ настроеніяхъ славянофиловъ, привитыхъ какой-то своеобразной прививкой враждебному имъ народничеству западниковъ, всѣ ученія и теоріи о долгѣ народу, о расплатѣ съ нимъ, объ исторической винѣ и интеллигентскомъ искупленіи ея у Лаврова, Михайловскаго, Толстого и Успенскаго, включительно до сознательно-христіанскаго покаяннаго мистицизма Достоевскаго, все это—цвѣты христіанскихъ сѣмянъ, все это — тѣнь раціонально-умерщвляемаго, гонимаго, но тайно могучаго, въ ирраціональности психологическихъ переживаній живого и дѣйственнаго Бога, христіанскаго Бога.

Отсюда въ «практическомъ разумѣ», не въ литературѣ уже, а въ самой жизни—весь этотъ революціонный романтизмъ отъ Радищева и декабристовъ до народничества и марксизма включительно, сочно пропитанный въ интимности переживаній своихъ сильнымъ ароматомъ христіанскихъ настроеній, моралью христіанства, которой нѣтъ внѣ ея истинныхъ религіозныхъ корней, а они, эти корни, живы и сильны, хотя и сокровенны во мглѣ душевной глуби. И черезъ страшную толщу историческихъ наслоеній и всевозможныхъ засореній проростаетъ эта своеобразная религіозная культура, получается крестъ безъ Христа, христіанство безъ явнаго и сознательнаго религіознаго исповѣданія, но съ тайнымъ религіознымъ оправданіемъ.

Здѣсь настроеніе того непослушнаго сына въ евангельской притчѣ, который сказалъ: «не пойду, но пошелъ на работу отца своего»... Сняли крестъ съ себя, отвернулись въ смѣлости своего земного дерзновенія отъ имени Христа, убоявшись явно-господствующаго исповѣданія Іуды, но пошли на распятіе, тдѣ еще возможно тайное исповѣдованіе разбойника..

И въ силу безконечно сложныхъ историческихъ и психологическихъ преломленій нашъ такъ называемый позитивизмъ глубоко идеалистиченъ, даже мистиченъ въ корняхъ своихъ, въ своемъ скрытомъ лицѣ; раціонализмъ нашъ глубоко ирраціоналенъ, атеизмъ

Digitized by Google

—безсознательно, тайно религіозенъ... Оттого-то у русскихъ людей, у русскихъ атеистовъ-интеллигентовъ часто случается неожиданно быстрое перелицеваніе изъ крайняго, непремѣнно крайняго отрицанія въ крайнее утвержденіе, въ такихъ случаяхъ—просто воскресаетъ то, что никогда и не умирало, а только пряталось въ стыдѣ и непризнаніи самого себя, своего главнаго...

Сюда же относится та страстно-напряженная религіозная жажда, которая таится порою въ русскомъ атеизмѣ, та могучая страсть скрытаго религіознаго горѣнія, которая пряталась въ русскомъ нигилизмѣ. Удивительно своеобразно отрицаніе русскаго атеизма. «И не насъ однихъ,—говоритъ въ «Идіотѣ» Достоевскій,—а всю Европу дивитъ въ такихъ случаяхъ русская страстность наша: у насъ коль въ католичество порейдетъ, то ужъ непремѣнно іезуитомъ станетъ, да еще изъ самыхъ подземныхъ; коль атеистомъ станетъ, то непремѣнно начнетъ требовать искорененія вѣры въ Бога насиліемъ, то есть, стало быть, и мечемъ! Отчего это, отчего разомъ такое изступленіе? Неужто не знаете? отъ того, что онъ отечество нашелъ, которое здѣсь просмотрѣлъ, и обрадовался; берегъ, землю нашелъ и бросился ее цѣловать! Не изъ одного вѣдь тщеславія, не все вѣдь отъ однихъ скверныхъ тщеславныхъ чувствъ происходятъ русскіе атеисты и русскіе іезуиты, а изъ боли духовной, изъ жажды духовной, изъ тоски по высшему дѣлу, по крѣпкому берегу, по родинѣ, въ которую вѣровать перестали, потому что никогда ея и не знали! Атеистомъ же такъ легко сдѣлаться русскому человѣку, легче, чѣмъ всѣмъ остальнымъ во всемъ мірѣ! И наши не просто становятся атеистами, а непремѣнно *увѣруютъ* въ атеизмъ, какъ бы въ новую вѣру, никакъ и не замѣчая, что увѣровали въ нуль. Такова наша жажда!» Въ страстности отрицанія, въ *вѣрѣ* атеизма слышится затаенная тяга къ религіи, скрытая власть положительнаго религіознаго исповѣдованія. «Я не могу о другомъ, я всю жизнь объ одномъ. Меня Богъ всю жизнь мучитъ», признается нигилистъ Кириловъ въ „Бѣсахъ“ Достоевскаго, и въ этихъ мукахъ Богомъ загорается свѣтъ властныхъ религіозныхъ озареній, тайный зовъ къ Богу... Старецъ Зосима, это художественное воплощеніе христіанскаго сознанія, введеннаго психологическимъ опытомъ Досто-

Digitized by Google

евскаго въ кругъ новыхъ религіозныхъ переживаній, этотъ христіанскій старецъ понимаетъ и благословляетъ русскаго атеиста и нигилиста Ивана Карамазова въ его мученіи Богомъ, въ его бореніяхъ со Христомъ. „Идея эта еще не рѣшена въ вашемъ сердцѣ и мучитъ его,—говоритъ Зосима Карамазову...—Если не можетъ рѣшиться въ положительную сторону, то никогда не рѣшится и въ отрицательную, сами знаете, это свойствво вашего сердца; и въ этомъ вся мука его. Но благодарите Творца, что далъ вамъ сердце высшее, способное такою мукою мучиться „горняя мудроствовати и горнихъ искати, наше бо жительство на небесѣхъ есть". Дай вамъ Богъ, чтобы рѣшеніе сердца вашего постигло васъ еще здѣсь на землѣ, *и да благословитъ Богъ пути ваши*».

Все это свидѣтельствованія религіознаго чутья Достоевскаго, *выразительныя свидѣтельствованія*. И никто не скажетъ, чтобы Достоевскій слишкомъ былъ расположенъ преувеличивать правду интеллигенціи, но, раскрывая въ своихъ углубленныхъ новымъ психологическимъ и историческимъ опытомъ религіозно-христіанскихъ переживаніяхъ таившуюся въ нихъ „правду о землѣ", онъ всталъ лицомъ къ лицу съ вопросомъ, величайшей важности и величайшей сложности—съ вопросомъ о правдѣ интеллигенціи, о скрытомъ въ ней религіозно-христіанскомъ питаніи подъ маскою Богоборца. Онъ ощутилъ это не только на полосѣ положительнаго притяженія въ открытомъ исповѣдываніи Шатова, но и на полюсѣ отрицательныхъ отталкиваній, въ психологіи атеизма и нигилизма. И здѣсь въ полной силѣ выдвигается вопросъ о томъ, что въ русскомъ атеизмѣ отъ богоотступничества Каина, отъ дерзновенной гордыни Вавилонской башни человѣкобожества и что отъ богоборчества Іакова, боровшагося съ Богомъ въ ночи, не видя лица Его...

Христіанство жило въ литературѣ русской, но сказывалось вторичными признаками нравственной жажды, отсюда тотъ своеобразный „этицизмъ" русской литературы, то учительное, апостольское начало въ ней, на которое всегда много указывалось и что особенно удивляло европейцевъ въ нашей литературѣ. Это все пережитки несознанной до конца религіозности, пережитки христіан-

Digitized by Google

Stanford University Libraries

скихъ настроеній, живые цвѣты неизжитыхъ еще на нашей жизни и неизживаемыхъ религіозно-христіанскихъ началъ.

Все это имѣетъ прямое отношеніе къ Гаршину. Въ немъ съ особенной силой и правдой сказалось это своеобразное, какъ бы застѣнчиво—прячущееся, затемнѣнное христіанское сознаніе въ русской литературѣ. Гаршинъ не былъ,—быть можетъ, только не успѣлъ быть,—первоклассныхъ русскимъ писателемъ, чисто литературное значеніе, художественная цѣнность его произведеній преходящи, но самый его мученически—прекрасный ликъ, чарующій душевный образъ, личность мученика правды, генія совѣсти, все это—слишкомъ значительно и характерно въ извѣстномъ смыслѣ для всей безсознательно христіанской полосы нашей литературы, чтобы его можно было забыть. Нельзя забыть! Гаршинъ самъ, какъ личность, величайшее художественное твореніе жизни, ея рѣдкій, трагически прекрасный цвѣтокъ. Онъ рѣдкое растеніе, но въ немъ въ крайней формѣ, въ болѣзненно—кричащемъ заостреніи сказалось то, что велико и сильно въ самой глубинѣ, что живетъ въ самомъ существѣ нашего почти всеобщаго сознанія, въ немъ сказалась властно затягивающая, тайно влекущая, *живая* глубь покаянныхъ настроеній, какого-то стыда за жизнь, какой-то тончайшей совѣстливости, остраго сознанія неизбывной вины существованія, то же тяготѣніе къ страдальческому вѣнцу мученичества, къ Голгофѣ подвижничества, къ расплатѣ за вѣковѣчный, въ вѣкахъ растущій грѣхъ соціальныхъ противорѣчій, къ преодолѣнію ихъ на крестѣ дѣйственныхъ страдальческихъ усилій борьбы... Подъ болѣніями и томленіями Гаршина невидимо шевелится власть христіански-трагическаго, самораспинающаго отношенія къ міру...

Digitized by Google

I.

Родился Всеволодъ Михайловичъ Гаршинъ 2-го февраля 1855 года въ имѣніи своей бабушки по матери, А. С. Акимовой, «Пріятная долина», Бахмутскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи. Краткая автобіографія была написана Гаршинымъ, по просьбѣ С. А. Венгерова, еще въ 1884 году. По смерти Гаршина, Венгеровъ сообщилъ ее для напечатанія въ сборникѣ «Красный цвѣтокъ», посвященный памяти Всеволода Михайловича Гаршина. Вотъ она.

«Родъ Гаршиныхъ—старинный дворянскій родъ. По семейному преданію, нашъ родоначальникъ, мурза Горша или Гарша, вышелъ изъ Золотой Орды при Иванѣ III и крестился; ему или его потомкамъ были даны земли въ нынѣшней Воронежской губерніи, гдѣ Гаршины благополучно дошли до нынѣшнихъ временъ и даже остались помѣщиками въ лицѣ моихъ двоюрдныхъ братьевъ, изъ которыхъ я видѣлъ только одного, да и то въ дѣтствѣ. О Гаршиныхъ много сказать не могу. Дѣдъ мой Егоръ Архиповичъ былъ человѣкъ крутой, жестокій и властный: поролъ мужиковъ, пользовался правомъ primae noctis и поливалъ кипяткомъ фруктовыя деревья непокорныхъ однодворцевъ. Онъ судился всю жизнь съ сосѣдями изъ за какихъ-то подтоповъ мельницы, и къ концу жизни сильно разстроилъ свое крупное состояніе, такъ что отцу моему, одному изъ четверыхъ сыновей и одиннадцати дѣтей, досталось только 70 душъ въ Старобѣльскомъ уѣздѣ. Страннымъ образомъ, отецъ мой былъ совершенной противоположностью дѣду: служа въ кирасирахъ (въ Глуховскомъ полку) въ Николаевское время, онъ никогда не билъ солдатъ; развѣ ужъ когда очень разсердится, то ударитъ фуражкой. Онъ кончилъ курсъ въ I-й московской гимназіи и пробылъ года два въ московскомъ университетѣ на юриди-

Digitized by Google

ческомъ факультетѣ, но потомъ, какъ онъ самъ говорилъ, «увлекся военной службой» и поступилъ въ кирасирскую дивизію. Квартируя съ полкомъ въ Донцѣ и ѣздя съ офицерами по помѣщикамъ, онъ познакомился съ моей матерью, Е. С., тогда еще Акимовою, и въ 1884 году женился.

«Ея отецъ, помѣщикъ Бахмутскаго уѣзда Екатеринославской губерніи, отставной морской офицеръ, былъ человѣкъ очень образованный и рѣдко-хорошій. Отношенія его къ крестьянамъ были такъ необыкновенны въ то время, что окрестные помѣщики прославили его опаснымъ вольнодумцемъ, а потомъ—и помѣшаннымъ. Помѣшательство его состояло, между прочимъ, въ томъ, что въ голодъ 1843 года, когда въ тѣхъ мѣстахъ чуть не полнаселенія вымерло отъ голоднаго тифа и цынги, онъ заложилъ имѣніе, занялъ денегъ и самъ привезъ «изъ Россіи» большое количество хлѣба, который и роздалъ голодавшимъ мужикамъ, своимъ и чужимъ. Къ сожалѣнію, онъ умеръ очень рано, оставивъ пятерыхъ дѣтей; старшая, моя мать, была еще дѣвочкой, но его заботы о воспитаніи ся принесли плоды и послѣ его смерти, попрежнему выписывались учителя и книги, такъ что ко времени выхода замужъ моя мать сдѣлалась хорошо образованной дѣвушкой, а по тогдашнему времени и для глухихъ мѣстъ Екатеринославской губерніи даже рѣдко образованной.

«Я родился третьимъ (въ имѣніи бабушки, въ Бахмутскомъ уѣздѣ) второго февраля 1855 года, за двѣ недѣли до смерти Николая Павловича. Какъ сквозь сонъ помню полковую обстановку, огромныхъ рыжихъ коней и огромныхъ людей въ латахъ, бѣлыхъ съ голубымъ колетахъ и волосатыхъ каскахъ. Вмѣстѣ съ полкомъ мы часто переѣзжали съ мѣста на мѣсто; много смутныхъ воспоминаній сохранилось въ моей памяти изъ этого времени, но разсказать я ничего не могу, боясь ошибиться въ фактахъ. Въ 1858 году отецъ, получивъ наслѣдство отъ умершаго дѣда, вышелъ въ отставку, купилъ домъ въ Старобѣльскѣ, въ 12 верстахъ отъ котораго было наше имѣнье, и мы стали жить тамъ. Во время освобожденія крестьянъ отецъ участвовалъ въ харьковскомъ комитетѣ членомъ отъ Старобѣльскаго уѣзда. Я въ это время выучился читать; выучилъ меня по старой книжкѣ «Современника» (статьи не

Digitized by Google

помню) нашъ домашній учитель П. В. Завадскій, впослѣдствіи сосланный за безпорядки въ Харьковскомъ университетѣ—въ Петрозаводскъ и теперь уже давно умершій.

«Пятый годъ моей жизни былъ очень бурный: меня возили изъ Старобѣльска въ Харьковъ изъ Харькова въ Одессу, оттуда въ Харьковъ и назадъ въ Старобѣльскъ (все это на почтовыхъ, зимою, лѣтомъ и осенью); нѣкоторыя сцены оставили во мнѣ неизгладимое воспоминаніе и быть можетъ слѣды на характерѣ. Преобладающее на моей физіономіи печальное выраженіе вѣроятно получило свое начало въ ту эпоху.

«Старшихъ братьевъ отправили въ Петербургъ; матушка поѣхала съ ними, а я остался съ отцомъ. Жили мы съ нимъ то въ деревнѣ, въ степи, то въ городѣ, то у одного изъ моихъ дядей въ Старобѣльскомъ уѣздѣ. Никогда, кажется, я не перечиталъ такой массы книгъ, какъ въ три года жизни съ отцомъ, отъ пяти до восьмилѣтняго возраста. Кромѣ разныхъ дѣтскихъ книгъ (изъ которыхъ особенно памятенъ мнѣ превосходный «Міръ Божій» Разина), я перечиталъ все, что могъ едва понимать изъ «Современника», «Времени» и другихъ журналовъ за нѣсколько лѣтъ. Сильно на меня подѣйствовала Бичеръ-Стоу («Хижина дяди Тома» и «Жизнь негровъ»). До какой степени былъ я свободенъ въ чтеніи, можетъ показать фактъ, что я прочелъ «Соборъ парижской Богоматери» Гюго въ семь лѣтъ и, перечитавъ его въ 25, не нашелъ ничего новаго, а «Что дѣлать» читалъ по книжкамъ въ то самое время, когда Чернышевскій сидѣлъ въ крѣпости. Это раннее чтеніе было, безъ сомнѣнія, очень вредно. Тогда-же я читалъ Пушкина, Лермонтова («Герой нашего времени» остался совершенно непонятнымъ, кромѣ Бэлы, о которой я горько плакалъ), Гоголя и Жуковскаго. Въ 1863 г. матушка пріѣхала за мною изъ Петербурга и увезла съ собою. 15-го августа въѣхали мы въ него послѣ путешествія изъ Старобѣльска до Москвы на перекладныхъ и отъ Москвы по желѣзной дорогѣ; помню, что Нева привела меня въ неописанный восторгъ (мы жили на Васильевскомъ островѣ), и я началъ даже съ извозчика сочинять къ ней стихи съ рифмами «широка» и «глубока».

Съ тѣхъ поръ я—петербургскій житель, хотя часто уѣзжалъ

Digitized by Google

въ разныя мѣста. Два лѣта провелъ у П. В. Завадскаго въ Петрозаводскѣ; потомъ одно на дачѣ около Петербурга; потомъ жилъ въ Сольцѣ, Псковской губ. около полугода; нѣсколько лѣтъ живалъ по лѣтамъ въ Старобѣльскѣ, въ Николаевѣ, въ Харьковѣ, въ Орловской губерніи, на Шекснѣ (въ Кирилловскомъ уѣздѣ). Послѣдній мой отъѣздъ изъ Петербурга былъ очень продолжителенъ: я прожилъ около $1^1/_2$ лѣтъ въ деревнѣ у одного изъ своихъ дядей, В. С. Акимова, въ Херсонскомъ уѣздѣ, на берегу Бугскаго Лимана.

«Въ 1864 году меня отдали въ 7-ю спб. гимназію, въ 12 л. Вас. остр. Учился я вообще довольно плохо, хотя не отличался особенной лѣностью: много времени уходило на постороннее чтеніе. Во время курса я два раза болѣлъ и разъ остался въ классѣ по лѣности, такъ что семилѣтній курсъ для меня превратился въ десятилѣтній, что, впрочемъ, не составило для меня большой бѣды, такъ какъ я поступилъ въ гимназію 9 лѣтъ. Хорошія отмѣтки я получалъ за русскія «сочиненія» и по естественнымъ наукамъ, къ которымъ я чувствовалъ сильную любовь, не умершую и до сихъ поръ, но не нашедшую себѣ приложенія. Математику искренно ненавидѣлъ, хотя трудна она мнѣ не была, и старался по возможности избѣгать занятій ею. Наша гимназія въ 1866 году была преобразована въ реальную гимназію и долго служила образцовымъ заведеніемъ для всей Россіи (теперь она I-е реальное училище). Мнѣ рѣдко случалось видѣть воспитанниковъ, которые сохранили бы добрую память о своемъ учебномъ заведеніи; что́ касается до 7-й гимназіи, то она оставила во мнѣ самыя дружелюбныя воспоминанія. Къ В. Ѳ. Эвальду (директору въ мое время, директоръ и теперь) я навсегда, кажется, сохраню хорошія чувства. Изъ учителей я съ благодарностью вспоминаю В. П. Геннинга (словесность) и М. М. Ѳедорова (ест. исторія); послѣдній былъ превосходный человѣкъ и превосходный учитель, къ сожалѣнію, погубленный рюмочкой. Онъ умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

«Начиная съ 4-го класса, я началъ принимать участіе (количественно, впрочемъ, весьма слабо) въ гимназической литературѣ, которая одно время у насъ пышно цвѣла. Одно изъ изданій, «Вечерняя газета», выходило еженедѣльно аккуратно въ теченіе

Digitized by Google

года. Сколько помню, фельэтоны мои (за подписью «Агасферъ»), пользовались успѣхомъ. Тогда-же я подъ вліяніемъ «Иліады» сочинилъ поэму (гекзаметромъ) въ нѣсколько сотъ стиховъ, въ которой описывался нашъ гимназическій бытъ, преимущественно драки.

«Будучи гимназистомъ, я только первые три года жилъ въ своей семьѣ. Затѣмъ мы съ старшими братьями жили на отдѣльной квартирѣ (имъ тогда было 16 и 17 лѣтъ); слѣдующій годъ прожилъ у своихъ дальнихъ родственниковъ, потомъ былъ пансіонеромъ въ гимназіи; два года жилъ въ семьѣ знакомыхъ петербургскихъ чиновниковъ и наконецъ былъ принятъ на казенный счетъ.

«Передъ концомъ курса я выдержалъ тяжелую болѣзнь, отъ которой едва спасся послѣ полугодового леченья. Въ это-же время застрѣлился мой второй братъ...

«Не имѣя возможности поступить въ университетъ, я думалъ сдѣлаться докторомъ. Многіе изъ моихъ товарищей (предыдущихъ выпусковъ) попали въ медицинскую академію, и теперь доктора. Но какъ разъ ко времени моего окончанія курса Д—въ подалъ записку покойному государю, что вотъ, молъ, реалисты поступаютъ въ медицинскую академію, а потомъ проникаютъ изъ академіи въ университетъ. Тогда было приказано реалистовъ въ доктора не пускать. Пришлось выбирать какое-нибудь изъ техническихъ заведеній; я выбралъ то, гдѣ поменьше математики,—горный институтъ. Я поступилъ въ него въ 1874 году. Въ 1876 хотѣлъ уйти въ Сербію, но, къ счастью, меня не пустили, такъ какъ я былъ не призывнаго возраста. 12-го апрѣля 1877 г. я съ товарищемъ (Аѳанасьевымъ) готовился къ экзамену изъ химіи; принесли манифестъ о войнѣ. Наши записки такъ и остались открытыми; мы подали прошеніе объ увольненіи изъ института и уѣхали въ Кишиневъ. Въ кампаніи я былъ до 11-го августа, когда былъ раненъ. Въ это-же время, въ походѣ, я написалъ свою первую, напечатанную въ „От. Зап.“, вещь „Четыре дня“. Поводомъ къ этому послужилъ дѣйствительный случай съ однимъ изъ солдатъ нашего полка (скажу кстати, что самъ я ничего подобнаго никогда не испыталъ, такъ какъ послѣ раны былъ сейчасъ же вынесенъ изъ огня).

„Вернувшись съ войны, я былъ произведенъ въ офицеры, съ

Digitized by Google

большимъ трудомъ вышелъ въ отставку (теперь опять меня зачислили въ запасъ). Нѣкоторое время ($^1/_2$) слушалъ лекціи въ университетѣ (по историко-филологическому факультету). Въ 1880 г. заболѣлъ и по этому-то случаю прожилъ долго въ деревнѣ у дяди. Въ 1882 году вернулся въ Петербургъ, въ 1883 году женился на Н. М. Золотиловой; въ томъ-же году поступилъ на службу секретаремъ въ желѣзнодорожный съѣздъ». [1])

Вотъ все, что разсказалъ Гаршинъ о самомъ себѣ въ этой сдержанной автобіографической запискѣ. Здѣсь данъ только довольно точный слѣпокъ внѣшнихъ событій жизни Всеволода Михайловича; главнымъ образомъ, рисуется здѣсь его дѣтство, гораздо глуше сообщены данныя о позднѣйшихъ годахъ жизни. И то, и другое послѣ смерти Гаршина значительно было дополнено, а мѣстами и исправлено, воспоминаніями людей, близко знавшихъ его.

Въ нашемъ очеркѣ нельзя дать полной біографіи Гаршина, а потому слѣдуетъ отмѣтить только нѣкоторыя, наиболѣе выдающіяся данныя о его жизни, въ которыхъ сказалась его *личность*.

Гаршинъ—ребенокъ поражаетъ окружающихъ своимъ раннимъ развитіемъ, содержательностью своихъ дѣтскихъ интересовъ, вдумчивостью и серіозностью. Хотя все это не убиваетъ въ немъ дѣтской простоты и непосредственности. Онъ, какъ видно изъ самой автобіографической записки, рано начинаетъ читать и читаетъ много, безпорядочно и совершенно свободно, но недѣтское чтеніе не вызываетъ въ немъ непріятной взрослости, серіозность не переходитъ въ серьезничаніе, и вообще раннее развитіе его не выражается ни въ какихъ болѣзненныхъ эксцессахъ, не вызываетъ самонасилія и душевнаго вывиха. Напротивъ, все въ немъ, по разсказамъ людей знавшихъ его въ эту пору его жизни, просто, мило, непосредственно-цѣльно... Всѣхъ поражала и наружность этого мальчика, нѣжная, обаятельно-ласковая, чарующая. Онъ „былъ необыкновенно красивъ, добръ, кротокъ и пользовался общей любовью всѣхъ окружающихъ. Ему было четыре года, когда однажды, при выходѣ изъ церкви, къ матери его подошелъ незнакомый старикъ и замѣтилъ, восхищаясь мальчикомъ:

---

[1]) „Красный цвѣтокъ“. Сб. въ память Вс. Мих. Гаршина, стр. 60—65.

Digitized by Google

— Вашъ сынъ удивительно хорошъ, но эта красота не ангельская: болѣе всего онъ напоминаетъ мнѣ Іоанна Крестителя, какъ его изображаютъ съ агнцемъ. Я именно такого видѣлъ заграницей, въ дрезденской галлереѣ.

Въ особенности прекрасны были его глаза—большіе, свѣтло-каріе, съ длинными рѣсницами. Уже съ дѣтства свѣтились въ нихъ и доброта, и кротость, и какая-то грусть" [1]).

Рано появились въ немъ, разсказываетъ Абрамовъ, „всѣ тѣ прелестныя черты его характера, которыя позднѣе невольно очаровывали и покоряли всякаго, имѣвшаго съ нимъ какое-либо дѣло: его необычайная мягкость въ отношеніяхъ къ людямъ, глубокая справедливость, уживчивость, строгое отношеніе къ себѣ, скромность, отзывчивость на горе и радость ближняго и многое другое. Вмѣстѣ съ тѣмъ уже въ это время проявлялись весьма замѣтно и тѣ умственныя качества Вас. Мих., которыя затѣмъ такъ пышно развились въ Гаршинѣ-юношѣ и зрѣломъ человѣкѣ: его вдумчивое отношеніе ко всему видѣнному, слышанному и читанному, способность быстро схватывать сущность дѣла и находить разрѣшеніе вопроса, видѣть въ предметѣ тѣ стороны, которыя обыкновенно ускользаютъ отъ вниманія другихъ, оригинальность выводовъ и обобщеній, способность быстро и легко пріискивать доводы и аргументы въ подкрѣпленіе своихъ воззрѣній, умѣнье находить связь и зависимость между предметами, какъ бы они затемнены не были" [2]).

Гаршинъ былъ въ высшей степени впечатлительнымъ, чувствительнымъ и чуткимъ ребенкомъ. Крайняя нервность и быстрая возбужденность его натуры, отзывчивость и тревожность души стали проявляться очень рано въ немъ. Между прочимъ, въ воспоминаніяхъ брата Вс. Гаршина, Ев. М. Гаршина, напечатанныхъ въ «Родникѣ» за 1888 г. № 6, сообщается, что «въ Старобѣльскѣ, гдѣ жила семья Гаршиныхъ во время крымской войны, постоянно смѣнялись квартировавшіе тамъ кавалерійскіе полки. Въ домѣ Гаршиныхъ часто бывали офицеры, защитники Севастополя, и разсказы о всѣхъ ужасахъ и подвигахъ Се-

---

[1]) Соч. Гаршина. „Свѣдѣнія о жизни В. М. Гаршина", А. Скабичевскаго.

[2]) Сборникъ памяти В. М. Гаршина. „Матеріалы для біографіи" Л. Абрамова, 2—3 стр.

Digitized by Google

вастопольской обороны не прерывались. Жадно прислушивался ребенокъ къ этимъ разсказамъ и такъ наэлектризовался ими, что у него явилось серьезное намѣреніе итти на войну. Нѣсколько разъ сбирался онъ въ дорогу: заказывалъ повару на дорогу пирожки, собиралъ бѣлье въ узелокъ, надѣвалъ его на плечи и являлся прощаться съ домашними. Эти прощанія доводили его до горькихъ слезъ, и послѣ немалыхъ увѣщаній онъ соглашался отложить походъ до утра. Проснувшись утромъ, онъ забывалъ о вчерашнемъ, но черезъ нѣсколько времени снова начинались тѣ же сборы на войну».

Въ гимназическіе годы у Гаршина развивается страстная любовь къ литературѣ, здѣсь онъ дѣлаетъ свои первые, полудѣтскіе литературные опыты, изъ которыхъ кое-что сохранилось. Кончивъ гимназію, студентомъ горнаго института, Гаршинъ сходится съ кружкомъ художниковъ, въ этой средѣ еще больше развивается его интересъ къ искусству, идутъ горячіе споры, гдѣ юноша отстаиваетъ искусство, какъ свободное служеніе идеаламъ правды. Сильное впечатлѣніе оставляютъ въ душѣ Всеволода Михайловича картины Верещагина, здѣсь растетъ въ немъ, какъ живое, продолженіе его дѣтскихъ военныхъ походовъ, *боль войны.* Тутъ же назрѣваетъ въ немъ его совѣстливая тяга къ активному вмѣшательству въ это неотвратимое бѣдствіе, сознаніе обязательности взвалить и на свои плечи гнетъ страшной тяжести, принять участіе въ общемъ несчастьи, въ неизбѣжномъ, навязанномъ всѣмъ страданіи. «Если художественныя картины произвели на Гаршина такое потрясающее впечатлѣніе, то можно себѣ представить, въ какое волненіе пришелъ онъ весною и лѣтомъ 1876 года, когда до его слуха начали долетать ужасающія извѣстія о неистовствахъ турокъ въ Болгаріи, когда все русское общество встрепенулось; воинственное настроеніе росло въ немъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе; начались всеобщія пожертвованія на славянъ; со всѣхъ концовъ тянулись въ Сербію добровольцы».

Но Гаршинъ не былъ тогда призывнаго возраста и его не пустили.

За то уже въ слѣдующемъ году, при объявленіи войны Россіи съ Турціей, ничто не сдержало его, волна глубокихъ и свое-

Digitized by Google

образныхъ настроеній охватила его всего, съ головой, и повлекла властно, неудержимо.[1])

Зачѣмъ пошелъ на войну Гаршинъ? На этотъ большой вопросъ онъ отвѣчалъ просто, но таилась въ этой глубокой простотѣ страшная сложность тончайшей душевной ткани внутреннихъ мотивовъ, за простотой этой, апостольски—чистой, открывалась влекущая глубь могущественнѣйшихъ переживаній, страшная душевная напряженность и болящая боль огромной правдивости сердца. Здѣсь сказалась исконняя русская тяга къ жертвѣ, ясная и легкая, но глубокая и темная въ древнихъ корняхъ своихъ, полу-аскетическая, полу-опрощенская складка. Толстовская, раціонализирующая трезвость морали, праведности, совѣсти соединилась съ ирраціональнымъ религіознымъ хмелемъ духа Достоевскаго, съ странной «юродивостью», съ этимъ зовомъ чего-то глубокаго, невыразимаго, во мглѣ утопающаго, въ своеобразныхъ изгибахъ индивидуалистической воли. Но и то, и другое глубоко русское, народное, интеллигентское, странный цвѣтъ сложныхъ преломленій культуры нашей, осложненія вѣкового религіознаго вліянія въ интеллигентскихъ перевоплощеніяхъ. Интеллигентское индивидуалистическое сознаніе достоинства своего, сознаніе чести всецѣло переливается въ работу совѣсти, жажда подвига вся уходитъ въ глубочайшее смиреніе, не смиреніе гордости, а смиреніе кротости. Но и кротость, страдательное принятіе зла міра, рождается здѣсь изъ мукъ возстаній, отъ отчаявшейся жажды преодолѣній, какъ послѣдній бунтъ, бунтъ противъ бунта. Рѣшеніе итти на войну у Гаршина—высшій бунтъ противъ войны, совѣсть не мирится съ простымъ отрицаніемъ, поднимается бунтъ противъ бунта и, такимъ образомъ, изъ бунта войны онъ принимаетъ ее и идетъ на нее. «Убивать-ли? Нѣтъ? Штыкъ вошелъ ему прямо въ сердце... Вотъ на мундирѣ большая черная дыра; вокругъ нея кровь.

«*Это сдѣлалъ—я.*

«Я не хотѣлъ этого. Я не хотѣлъ зла никому, когда шелъ драться. Мысль о томъ, что и мнѣ придется убивать людей, какъ то уходила отъ меня. *Я представлялъ себѣ только, какъ*

[1]) „Свѣдѣнія о жизни В. М. Гаршина“ Скабичевскаго при собраніи разсказовъ Гаршина стр. 21.

Digitized by Google

я буду подставлять свою грудь подъ пули. И я пошелъ и подставилъ».

«Ну, и что же? Глупецъ, глупецъ! А этотъ несчастный феллахъ (на немъ египетскій мундиръ)—онъ виноватъ еще меньше. Прежде, чѣмъ ихъ посадили, какъ сельдей въ бочку на пароходъ и повезли въ Константинополь, онъ и не слышалъ ни о Россіи, ни о Болгаріи. Ему велѣли итти, онъ и пошелъ. Если бы онъ не пошелъ, его стали бы бить палками, а то, быть можетъ, какой-нибудь паша всадилъ бы въ него пулю изъ револьвера. Онъ шелъ длиннымъ, труднымъ походомъ отъ Стамбула до Рущука. Мы напали, онъ защищался. Но видя, что мы, страшные люди, не боящіеся его патентованной англійской винтовки Пибоди и Мартини, все лѣземъ и лѣземъ впередъ, онъ пришелъ въ ужасъ. Когда онъ хотѣлъ уйти, какой то маленькій человѣкъ, котораго онъ могъ бы убить ударомъ своего чернаго кулака, подскочилъ и воткнулъ ему штыкъ въ сердце.

«Чѣмъ же онъ виноватъ?

«И чѣмъ виноватъ я, хотя я и убилъ его? Чѣмъ я виноватъ?.. За что меня мучитъ жажда! *Кто знаетъ, что значитъ это слово!*» [1])

Турецкое насиліе и звѣрство сильно дѣйствовали на впечатлительнаго Вс. Михайловича, освободительный характеръ войны не игралъ существенной роли въ рѣшеніи Гаршина, другое влекло его, совсѣмъ особенное, но сильное, неотвратимое, какъ жизнь или какъ смерть.

«А какое странное отношеніе къ моему поступку явилось у многихъ знакомыхъ! «Ну, юродивый! Лѣзетъ, самъ не зная чего!» Какъ могли они говорить это? *Какъ вяжутся такія слова съ ихъ представленіями о геройствѣ, любви къ родинѣ и прочихъ вещахъ?* Вѣдь въ ихъ глазахъ я представлялъ всѣ эти доблести. И тѣмъ не менѣе, я—«юродивый».

«И вотъ я ѣду въ Кишиневъ; на меня навьючиваютъ ранецъ и всякія военныя принадлежности. И я иду вмѣстѣ съ тысячами, изъ которыхъ развѣ нѣсколько наберется, подобно мнѣ, идущихъ охотно. Остальные остались бы дома, если бы имъ позволили.

---

[1]) Разсказы. Книжка первая. „Четыре дня". Стр. 82.

Digitized by Google

Однако, они идутъ также, какъ и мы, «сознательные», проходятъ тысячи верстъ и дерутся также, какъ и мы, или даже лучше. Они исполняютъ свои обязанности, несмотря на то, что сейчасъ же бросили бы и ушли—только бы позволили» [1]).

А вотъ, въ поясненіе этого конкретное данное его біографіи. Разсказываетъ одинъ изъ знавшихъ Гаршина въ этомъ періодѣ его жизни:

«Это былъ единственный разъ въ теченіе моего короткаго знакомства съ нимъ, когда я видѣлъ его возбужденнымъ и почти раздраженнымъ.

Знакомый мой былъ юноша очень радикальныхъ убѣжденій и, какъ таковой, отчаянный принципоѣдъ. Недостатокъ опыта и непосредственнаго чувства заполнялся у него холоднымъ размышленіемъ. Хотя онъ и воображалъ себя «свободнымъ мыслителемъ», но жилъ фразой, въ которую вѣрилъ, какъ добрый христіанинъ въ евангеліе. Поступки свои и чужіе онъ всегда свѣрялъ съ этой фразой: если выходило согласно, онъ считалъ этотъ поступокъ хорошимъ, возвышеннымъ, а нѣтъ—подлымъ.

Въ присутствіи этого-то юноши Гаршинъ, отвѣчая на мой вопросъ, сказалъ, что собирается вновь на войну.

— Что, гонятъ?—спросилъ юноша.

— Нѣтъ, не гонятъ, самъ иду.

— Зачѣмъ?

Гаршинъ былъ удивленъ этимъ неожиданнымъ вопросомъ.

— Какъ, зачѣмъ? Тамъ русскій мужикъ, о которомъ вы сейчасъ говорили, борется и страдаетъ. Я хочу итти къ нему на подмогу.

— Ну, это пустяки. Не говоря уже о томъ, что вы противъ войны, само по себѣ безнравственно помочь одерживать побѣды, которыми воспользуются, чтобы...

И юноша принялся излагать свои радикальныя воззрѣнія, бывшія выводомъ изъ фразы, состоявшей его credo.

По мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, Гаршинъ приходилъ все въ большее и большее негодованіе. Наконецъ, онъ не выдержалъ, вскочилъ и въ волненіи захромалъ по комнатѣ.

---

[1]) Разсказы. Книжка первая. „Четыре дня". Стр. 85.

Digitized by Google

— Нѣтъ, позвольте... позвольте... Вы стало-быть находите безнравственнымъ, что я буду жить жизнью русскаго солдата и помогать ему въ борьбѣ, гдѣ каждый человѣкъ полезенъ? Неужели будетъ болѣе нравственно сидѣть здѣсь, сложа руки, тогда какъ этотъ солдатъ будетъ умирать за насъ!.. Извините, я этого не могу допустить»... [1])

И не допустилъ... „Нервы, что ли, у меня такъ устроены, только военныя телеграммы, съ обозначеніемъ числа убитыхъ и раненыхъ, производятъ на меня дѣйствіе гораздо болѣе сильное, чѣмъ на окружающихъ“ [2]).

„Относитесь, батюшка, къ вещамъ попроще, легче будетъ жить“, слышались ему голоса, но *такая* простота не давалась, и не потому, чтобы онъ *не хотѣлъ*, но потому, что *не могъ*. Мотивы этого отчасти просвѣчиваютъ въ разсказѣ «Трусъ», гдѣ герой, хотя идетъ на войну по призыву, *но не можетъ не итти и внутренно*. «Я могъ бы избѣжать участи, которой я такъ боюсь, могъ бы воспользоваться кое-какими вліятельными знакомствами и остаться въ Петербургѣ, состоя въ то же время на службѣ. Меня «пристроили» бы здѣсь, ну, хотя для отправленія писарской обязанности, что ли. Но, во-первыхъ, мнѣ претитъ прибѣгать къ подобнымъ средствамъ, а во-вторыхъ, что-то, не подчиняющееся опредѣленію, сидитъ у меня внутри, обсуждаетъ мое положеніе и запрещаетъ мнѣ уклониться отъ войны. «Нехорошо», говоритъ мнѣ внутренній голосъ» [3]).

Въ своей боли войны, въ ощущеніи трагическаго въ ней, Гаршинъ борется больше всего съ самимъ собой, съ голымъ отрицаніемъ войны, бунтуетъ противъ бунта. Вотъ изъ діалоговъ того же разсказа:

— «Принять участіе! Да развѣ она не возбуждаетъ въ васъ ужаса? Вы ли говорите мнѣ это?

— Я говорю. Кто вамъ сказалъ, что я люблю войну. Только... какъ бы это вамъ разсказать?.. Война—зло, и вы, и я, и очень многіе такого мнѣнія; но вѣдь она неизбѣжна; любите вы ее или не любите, все равно, она будетъ, и если не пойдете драться

---

[1]) „Красный цвѣтокъ“ стр. 20—21.
[2]) „Трусъ“, стр. 111.
[3]) Соч., I кн. 118 стр.

Digitized by Google

вы, возьмутъ другого, и все-таки человѣкъ будетъ изуродованъ или измученъ походомъ. Я боюсь, что вы не понимаете меня: я плохо выражаюсь. Вотъ что: по моему, война есть общее горе, общее страданіе, *и уклоняться отъ нея, можетъ быть, и позволительно, но мнѣ это не нравится»* [1]).

Въ своемъ стремленіи дѣятельно, страдательно осмыслить войну, — или вѣрнѣе, только преодолѣть ея безсмыслицу, Гаршинъ искалъ, въ сущности, внутренняго лада, гармоніи въ самомъ себѣ, искалъ погашенія ощущаемости живого ужаса войны въ разрѣшеніи томящаго его противорѣчія между возмущеніемъ чести и зовомъ совѣсти, между свободными запросами личности и тою принудительной данностью жизни, исторіи, культуры, какою является война, какъ неотвратимый фактъ, какъ необходимость. Здѣсь болѣло въ немъ и искало выхода, утоленія, разрѣшенія одного изъ безчисленныхъ развѣтвленій между *я* и *не я*, между *собой* и *міромъ*, между міромъ и Богомъ, открывающимся въ живой правдѣ личности...

Изъ діалоговъ въ „Трусѣ".

«...— Ну, не знаю, что хорошаго, что васъ самихъ въ дышло запрягутъ.

— *Совѣсть мучить не будетъ*, Василій Петровичъ» [2]).

И, дѣйствительно, психологически, въ самомъ опытѣ прямого участія въ дѣлахъ войны что-то наживалось, давалась какая-то гармонія, миръ съ собой. «Никогда, — пишетъ Гаршинъ отъ лица героя въ «Воспоминаніяхъ рядового Иванова», — не было во мнѣ такого полнаго душевнаго спокойствія, *мира съ самимъ собой* и кроткаго отношенія къ жизни, какъ тогда, когда я испытывалъ эти невзгоды и *шелъ подъ пули*. Дико и странно можетъ показаться все это, но я пишу одну правду» [3]).

Много способствовало этому и просто физическое утомленіе, притупленность воспріятія въ самомъ пеклѣ ужасовъ войны. Ужасное вблизи для сильно нервныхъ людей—менѣе ужасно, чѣмъ издали; издали,—какъ это ни странно сказать,—ужасъ переживается часто такими людьми съ слишкомъ сильнымъ воображеніемъ и душевной

---

[1]) Соч. I, кн. 125—6 стр.
[2]) Соч. I, 130 стр.
[3]) Соч. II, 33 стр.

Digitized by Google

подвижностью—несравненно острѣе, больнѣе, ужаснѣе... Въ письмахъ съ войны Всеволодъ Михайловичъ говоритъ объ этомъ съ цѣломудренной простотой. «Скажу,—пишетъ онъ пріятелю И. Е. Малышеву, какое впечатлѣніе произвелъ на меня видъ раненыхъ, крови, труповъ и прочихъ аксессуаровъ войны.

«Я никогда не ожидалъ, чтобы при моей нервности я до такой степени спокойно отнесся къ сказаннымъ предметамъ. Трупы мы видѣли истинно ужасные; одного турку, вмѣсто того, чтобы зарывать, казаки обложили снопами и зажгли. Представьте, что изъ него вышло. Черная, обугленная масса, приблизительно подходящая по формѣ къ человѣческому тѣлу. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ трещины, въ которыхъ видно красное мясо. Черепъ оскалилъ зубы; они рѣзко выдаются на черномъ фонѣ своею бѣлизною. Тамъ, гдѣ были ноги, какія-то черныя угольныя бревна. Кости высовываются изъ нихъ, потому что ступни отвалились. И все это, отъ пятидневнаго лежанія на солнцѣ, издаетъ невыносимый запахъ (перечитавъ это описаніе, я всею душою пожелалъ, чтобы вамъ не пришлось читать его за столомъ). И представьте, даже такое нехудожественное описаніе дѣйствуетъ на меня самого болѣе непріятно, болѣе вывертываетъ душу, чѣмъ самый видъ неизвѣстнаго правовѣрнаго.

— «Тоже и раненые. Непріятно слушать, читать объ ужасныхъ ранахъ, видѣть ихъ на картинахъ; *но на самомъ дѣлѣ впечатлѣніе значительно смягчается.* А какія ужасныя раны! Я пересмотрѣлъ около 150 человѣкъ и видѣлъ страшно искалѣченныхъ людей». [1])

Послѣ второго боя, въ которомъ Гаршинъ участвовалъ и получилъ рану въ ногу, онъ пишетъ: «Лежу я въ 56-мъ военномъ временномъ госпиталѣ. Такъ какъ В. вѣроятно описывалъ вамъ бой, то о немъ умолчу. Могу сказать впрочемъ, что мы лицомъ въ грязь не ударили. Я удивлялся самъ своему спокойствію: жаркій споръ съ вами изъ-за жидовъ (въ былыя времена) производилъ во мнѣ гораздо большее волненіе». [2])

А затѣмъ, разъ очутившись на войнѣ, гонимый совѣстью,

---

[1]) «Свѣдѣнія о жизни Вс. Мих. Гаршина», Скабичевскаго при собр. соч. Гаршина 25—6 стр.

[2]) Тамъ-же 28 стр.

Digitized by Google

руководимый внутреннимъ сознаніемъ нравственной невозможности уклоняться, Гаршинъ не могъ не отдаться тому безличному, стихійно-безсознательному зову, который родится въ движеніи массъ и водитъ ими.

«Утро было пасмурное и холодное, накрапывалъ дождикъ; деревья кладбища виднѣлись въ туманѣ; изъ-за мокрыхъ воротъ и стѣны выглядывали верхушки памятниковъ. Мы обходили кладбище, оставляя его вправо. „Зачѣмъ итти вамъ, тысячамъ, за тысячи верстъ умирать на чужихъ поляхъ, когда можно умереть и здѣсь, умереть спокойно и лечь подъ моими деревянными крестами и каменными плитами? Останьтесь!»

«Но мы не остались. Насъ влекла невѣдомая тайная сила: нѣтъ силы большей въ человѣческой жизни. Каждый отдѣльно ушелъ бы домой, но вся масса шла, повинуясь по дисциплинѣ не сознанію правоты дѣла, не чувству ненависти къ неизвѣстному врагу, не страху наказанія, *а тому невѣдомому и безсознательному*, что долго еще будетъ водить человѣчество на кровавую бойню—самую крупную причину всевозможныхъ людскихъ бѣдъ и страданій».[2]) Исчезало чувство страха, и сознаніе того, что идешь на страшное и убійственное дѣло, зовъ невѣдомаго и безсознательнаго угашалъ все. «Говорятъ, что нѣтъ никого, кто бы не боялся въ бою; всякій нехвастливый и прямой человѣкъ, на вопросъ: страшно-ли ему, отвѣтитъ: страшно. Но не было того физическаго страха, какой овладѣваетъ человѣкомъ ночью, въ глухомъ переулкѣ, при встрѣчѣ съ грабителемъ; было полное, ясное сознаніе неизбѣжности и близости смерти. И дико и страшно звучатъ эти слова—это сознаніе не останавливало людей, не заставляло ихъ думать о бѣгствѣ, а вело впередъ. Не проснулись кровожадные инстинкты, не хотѣлось итти впередъ, чтобы убить кого нибудь, но было неотвратимое побужденіе итти впередъ, во что бы то ни стало, и мысль о томъ, что̀ нужно дѣлать во время боя, не выразилась бы словами: нужно убить, а скорѣе: нужно умереть».[2]) Терялось сознаніе своей отдѣльности, обособленности, личный разумъ, личная отвѣтственность тонула въ чемъ-то большомъ, огромномъ, поглощающемъ, и оно, это огромное, чужое, становилось близкимъ, своимъ,

[1]) Соч. II кн. 20 стр.
[2]) Сочин.-II кн. 69 стр.

Digitized by Google

снимало отвѣтственность съ ея мучительными въ интеллигентскомъ сознаніи сомнѣніями и терзаніями. „Всѣ они шли на смерть спокойные и *свободные отъ отвѣтственности*“, пишетъ Гаршинъ въ одномъ мѣстѣ своихъ разсказовъ.

Что же заставило Гаршина отдаться этой власти „невѣдомаго и безсознательнаго“, этой стихіи, „свободной отъ отвѣтственности,“ неудержимо уносящей въ мощныхъ волнахъ своихъ его личность... „Кто отдался весь, тому горя мало... тотъ уже ни за что не отвѣчаетъ. Не я хочу... то хочетъ.“ Эти слова Тургеневской Елены изъ „Наканунѣ“, которыя такъ сильно воспринялъ Гл. И. Успенскій [1]), вкладывая въ нихъ совсѣмъ свой, особенный смыслъ, нѣсколько освѣтятъ психологію Гаршина. Отъ боли душевной, отъ внутренняго саморазлада, отъ трагической трещины духа родится это жгуче-страстное стремленіе отдаться чужой, внѣличной или сверхличной волѣ, то неудержимое влеченіе съ разбѣгу броситься въ волны могучаго потока, погрузиться въ вольную стихію свободы отъ личной отвѣтственности. Чаще это связано, какъ прекрасно понялъ это и вскрылъ въ своемъ творчествѣ Гл. Успенскій, съ слабостью развитія личнаго начала, хотя и не всегда непремѣнно съ нею связано. Высота подъема личной воли, жажда подвига и самоотверженность жертвы часто вытекаетъ изъ недоразвитія личности, безпомощности ея передъ страшной тяжестью ею же выставленныхъ требованій... Здѣсь могучая сила устремленія, подымающая на подвигъ, на жертву, на мученичество, рождается въ порывѣ отчаянія. Великая и страшная сила родится изъ крайняго, тоже великаго и страшнаго безсилія. Изъ отчаянной слабости мучительнаго душевнаго изнуренія развивается отчаянная и тоже мучительная, но уже и свѣтящаяся, уже и радостная, сила. Крайнее безсиліе развиваетъ силу,—«въ немощахъ сила Божія совершается». И эту силу всепожирающаго порыва, сулящаго за мукой тревоги трепетъ восторга всеразрѣшенія, всеспасенія, всеоправданія, зналъ Гаршинъ въ своемъ страдальческомъ опытѣ, въ этомъ трагизмѣ его героизма. Эти зовущіе огни зажглись уже въ его ранней тягѣ на войну, дальше придется объ этомъ говорить подробнѣе по другому поводу.

---

[1]) См. его Тапушкина.

Digitized by Google

II

Съ войны привезъ Гаршинъ свой первый крупный литературный трудъ «Четыре дня», который далъ ему сразу огромную литературную извѣстность. «Четыре дня» появились въ октябрьской книжкѣ «Отечест. Записокъ» за 1877 годъ. Печатался Гаршинъ и раньше, но не придавалъ этимъ своимъ опытамъ никакого значенія и въ автобіографической своей запискѣ даже не упоминаетъ о нихъ.

Съ тѣхъ поръ какъ Гаршинъ вошелъ въ литературу своимъ разсказомъ „Четыре дня", онъ сталъ широко извѣстенъ, его многіе знали, и, конечно, всѣ, кто знали, любили. Тотчасъ послѣ смерти его появились два сборника: „Красный цвѣтокъ" и «Памяти Вс. М. Гаршина», полные теплыхъ воспоминаній и цѣнныхъ, хотя и неравноцѣнныхъ, біографическихъ сообщеній о немъ, много еще сообщалось по газетамъ и журналамъ. Здѣсь съ силой сказалось, что Гаршинъ былъ всеобщимъ любимцемъ и остался имъ послѣ смерти. Теперь о немъ мало говорятъ и мало пишутъ, меньше и читаютъ его, но чтутъ, берегутъ память его нѣжно, благоговѣйно. Хотя и рѣдко теперь прозвучитъ слово о немъ въ литературѣ, но когда произносится, хотя бы вскользь, то не произносится холодно и безучастно, а чаще, почти всегда любовно, съ искреннимъ тепломъ, съ глубокимъ вздохомъ недоумѣнной скорби. Все это указываетъ, что было въ Гаршинѣ что-то слишкомъ особенное, милое, влекущее, что-то покоряющее всѣхъ и всѣхъ чарующее, ласково-нѣжное, бережно-хрупкое, драгоцѣнное,—быть можетъ, не всѣмъ вполнѣ ясное, немного странное и страшное, больное и тревожное, но все же нужное, свое родное, но въ той силѣ проявленія, какъ у него, уже чуждо-загадочное, слишкомъ вопрошающее, слишкомъ напряженное, болѣзненно-изнурительное. Встрѣчи, писанія, жизнь его и потомъ смерть влекли всѣхъ какою-то силою тайной, томила какая-то зовущая, недосказанная, невылившаяся, и ему самому, быть можетъ, неясная глубь души, обаяніе стыдливой, цѣломудренно-закрывающейся правды. Жизнь его, болящая, страждущая, воспаленная, полная великаго святого

Digitized by Google

неугомона, великихъ святыхъ страстей, жизнь полная страшно-взывающей напряженности усилій и огненно-горящихъ, безумно-страстныхъ порывовъ, и еще больше смерть, страшная, терзающая, словно о чемъ-то съ скорьбью и жалобой смутно вопрошающая, за что-то стыдящая, эта жизнь и эта смерть оставили неизгладимо—глубокій слѣдъ, страдальчески-пламенный, кровоточащій. Словно мгновенный зигзагъ молніи вдругъ прорѣзалъ окрестъ лежащую мертвую нѣмоту и темь жизни, что-то вдругъ зажглось, засіяло, вспыхнуло, освѣтило небеса надъ скорбной землей, вспорхнуло, встрепенулось страшной силы огнемъ и тревожно, лихорадочно забилось, затрепетало, задрожало въ ужасной щемящей тоскѣ великаго душевнаго смятенія, застонало, заплакало въ жгучей боли величайшихъ, сжимающихъ душу, вопрошаній, въ истомѣ и мукѣ неимовѣрныхъ усилій человѣческой слабости... Вдругъ, все кругомъ, вся жизнь, всѣ лица, дѣла и событія, на мигъ освѣтились страннымъ, молніеносно-тревожнымъ, трагически-страшнымъ свѣтомъ, на мигъ все озарилось электрически-нервнымъ, невыносимо-палящимъ, сжигающимъ огнемъ отчаяннаго душевнаго напряженія, этой мукой жажды овладѣть „краснымъ цвѣткомъ“ всеспасенія.

Быстро несущейся полосой молнійныхъ усилій трепетной воли пронесся Гаршинъ надъ темью глубинъ снаружи устоявшихся жизненныхъ водъ, болью ранъ своего истерзаннаго, кровоточащаго сердца, горящимъ напряженіемъ устремленія пытался онъ прорѣзать мглу вѣкового устоя неправды жизни. Зажегся въ огнѣ мгновеннаго порыва къ послѣднему всеразрѣшенію, всеупоенію, всеспасенію, и погибъ, сгорая въ пламени, окутанный ядовитымъ дымомъ, угаромъ, выдѣляющимся изъ этого костра. Но осталась на мѣстѣ томъ яркая полоса свѣта, вѣчно бѣгущая въ какую-то невѣдомую даль зовущихъ озареній, и она-то, сіяющая обѣщаніемъ, манила и манитъ къ себѣ жаждой обладанія, около нея создались воспоминанія, разсказы о встрѣчахъ, характеристики и статьи...

Образъ Всеволода Гаршина, отпечатлѣлся въ его жизни и произведеніяхъ слитный, нераздѣльно живой; но не тутъ, не тамъ —онъ не весь. Что то было въ его обаятельной личности необъятно большое, неразгаданно-влекущее, что отражалось во всемъ этомъ, но уплывало, уходило глубже, оставляя по себѣ въ творчествѣ и фактахъ жизни только слабую тѣнь, сказываясь здѣсь

Digitized by Google

одними намеками, только какими-то символами той глубины, что жила въ душѣ Гаршина.

И только чувствовалось, что жизнь Гаршина непривычно особенная, что таится въ ней что-то загадочно-тревожное, губительно-тревожное, что томитъ его великая грусть, отдаваясь власти которой онъ таетъ, какъ свѣча.

Гаршинъ, возвратившись съ войны, все еще остается на военной службѣ, теперь онъ начинаетъ тяготиться ею, хотя временами, колеблемый вѣчной смѣной настроеній, рѣшаетъ оставаться на службѣ. «Въ ней для насъ скверно душно»... жалуется онъ. „Но не лучше-ли влѣзть въ эту среду? Можетъ быть, что и сдѣлаемъ путнаго". „Дѣло въ томъ,—пишетъ Всеволодъ Михайловичъ изъ Харькова, куда попалъ съ войны,—что отнынѣ мой годичный отпускъ пропадаетъ, и я, какъ и всѣ офицеры, обязанъ свидѣтельствоваться. Хотя я хромаю до сихъ поръ, но вдругъ признаютъ здоровымъ—и отправляйся къ вамъ въ Виддинъ. *При моемъ теперешнемъ состояніи здоровья (нервы) это мнѣ смерть.* Если бы я былъ способенъ пьянствовать, я спился бы въ Виддинѣ въ мѣсяцъ. *Чую это и смотрю на полкъ, какъ на гробъ.* Мнѣ очень плохо: хандрю, потому что не могу ничего дѣлать, ничего не дѣлаю, потому что хандрю. Всѣ вокругъ работаютъ; одинъ я палецъ о палецъ не ударю. Тоска"... [1])

Душа Гаршина послѣ встряски пережитаго, трепета и боли около войны, понемногу *остываетъ, холодѣетъ.* Изживъ пламя душевнаго пожара, она слабо тлѣетъ на потухающихъ угляхъ безвременья, будничной повседневности, чуждой его натурѣ безтрагичности существованія; минутами его охватываютъ порывы щемящей, сосущей сердце тоски, смѣняющейся равнодушіемъ апатіи, хандрой, меланхоліей, упадкомъ душевныхъ силъ. Внѣшне все въ жизни Гаршина въ это время идетъ ладно, но онъ, привыкшій къ огненной стихіи вѣчнаго горѣнія, трудно переноситъ покой, скучаетъ, постепенно ощущаетъ медленно точащаго червячка тоскливаго недовольства, смутную боль сердца и грусть, грусть неизбывную. Петербургъ, куда онъ такъ рвался изъ Харькова, начинаетъ его утомлять. „Петербургъ,—жалуется онъ въ одномъ изъ писемъ

---

[1]) „Памяти Гаршина", стр. 30.

Digitized by Google

за февраль 1878 года,—уже надоѣлъ мнѣ хуже горькой рѣдьки. Стремлюсь изъ него удрать. Собственно говоря, здѣсь можно было бы жить и интересно: мнѣ открыта полная возможность познакомиться со всякими знаменитостями; да со мною что то сдѣлалось странное"... [1]) И въ апрѣлѣ того-же года пишетъ. «Живу я скверно. Скверность исходитъ изъ меня самого, потому что внѣшнія обстоятельства всѣ благополучны. Часто спрашиваешь: какого тебѣ рожна нужно? и не находишь отвѣта. Но что рожёнъ этотъ гдѣ-то завалился и необходимо его сыскать—это ясно какъ день. Полторы недѣли какъ я пріѣхалъ въ Харьковъ и до сихъ поръ что называется, палецъ о палецъ не ударилъ. Не дѣлаю рѣшительно ничего. Хандра, печальныя соображенія о своемъ ничтожествѣ». [2])

Въ концѣ 1878 года Всеволодъ Михайловичъ наконецъ получаетъ отставку и бросаетъ военную службу. Литература зоветъ его къ себѣ, но, при страшно строгомъ отношеніи къ своей работѣ, пишетъ онъ немного и трудно. «Писать теперь ужасно трудно, хотя очень хочется написать что нибудь къ сентябрю. Пишу туго, да что и напишу, безжалостно рву»... [3])

Такъ прошелъ для Гаршина 1878 годъ и отчасти 1879-ый. «Въ теченіе лѣта В. М—чъ не мало путешествовалъ, посѣщая своихъ многочисленныхъ друзей; былъ въ Екатеринославской губерніи, въ Донской области, въ Орловской губерніи. Все это до нѣкоторой степени развлекало его и успокаивало нервы. Но осенью, по возвращеніи въ Харьковъ, хандра съ новой, еще небывалою силою овладѣла имъ» [4]). «На этотъ разъ,—разсказываетъ Фаусекъ [5]),—онъ пріѣхалъ въ Харьковъ такимъ, какимъ я его еще никогда не видалъ. У него развивалась меланхолія. Онъ находился въ томъ состояніи неопредѣленной и мучительной тоски, которая впослѣдствіи находила на него каждое лѣто и свела его, наконецъ, въ могилу. Дѣлать онъ ничего не могъ; онъ чувствовалъ страшную апатію и упадокъ силъ; не только всякая работа была

---

[1]) Тамъ же, стр. 29

[2]) „Памяти Гаршина", стр. 29.

[3]) „Свѣдѣнія о жизни Вс. М. Гаршина".—Скабичевскаго при сборникѣ разск. Гаршина. стр. 39.

[4]) Тамъ же, стр. 40.

[5]) „Памяти Гаршина, стр. 84—85.

Digitized by Google

ему мучительно тяжела, всякое проявленіе воли, всякій поступокъ казался ему тяжелымъ, мучительнымъ. *Всякое, самое простое, дѣйствіе требовало отъ него напряженія душевныхъ силъ*, совершенно непропорціональнаго значенію дѣйствія и физической работѣ, съ нимъ сопряженной. Душу его угнетала постоянная тоска. Онъ измѣнился и физически; осунулся, голосъ сталъ слабымъ и болѣзненнымъ, походка вялая; онъ шелъ, понуря голову, и, казалось, даже итти было для него непріятнымъ и болѣзненнымъ трудомъ. Его мучила безсонница. Цѣлый день онъ не могъ ничего дѣлать, а по ночамъ лежалъ до 4, до 5 часовъ и не могъ заснуть. Онъ проводилъ ночи за чтеніемъ романовъ и старыхъ журналовъ. Чтеніе, случайное и неправильное, перваго, что попадется подъ руку, было единственное доступное ему занятіе. Ничто не могло доставить ему удовольствія или обрадовать его. Самое ощущеніе удовольствія стало для него недоступно; *всѣ душевныя проявленія были для него болѣзненны.* Онъ ходилъ иногда къ знакомымъ, разъ или два былъ въ театрѣ, или въ концертѣ, куда его затаскивали почти насильно, но нигдѣ не покидалъ своего мрачнаго вида».

Когда жизнь Гаршина текла по гладкимъ, съ виду спокойнымъ волнамъ ровной зыби, тогда трудно было догадаться, смотря на эту ровную, порою почти мертвую зыбь его душевныхъ водъ, о той внутренней тревогѣ, которая сжигала его, о той душевной глуби, которая всегда, какъ вѣчно подстерегающая угроза, таилась подъ наружнымъ спокойствіемъ. Но скоро стали появляться и на поверхности самые острые, самые тревожные призраки надвигающейся грозы, которая разражалась, наконецъ, мгновеніями взрыва бушующихъ, бунтующихъ настроеній. Электрическая атмосфера вдругъ сгущалась до высшей мѣры насыщенія, мертвая зыбь подергивалась сначала легкой нервной рябью тоски и тревоги, а затѣмъ со всерастущей силой охватывалась вихремъ бушующихъ волнъ, разражалась страшнымъ душевнымъ ураганомъ... Что то большое и страшное ждало, подстерегало и влекло, влекло неотвратимо, стягивало все въ одной, влекущей точкѣ, въ одномъ мучительно-болящемъ, знойно-воспаленномъ узлѣ, отъ котораго нельзя было оторваться, но и отчаянно трудно, больно было ухватить его. Въ эту страшную зиму 1880 года—болѣзнь Гаршина разразилась острымъ

Digitized by Google

кризисомъ, съ которымъ связаны нѣкоторые внѣшніе факты въ его жизни. Около этого времени написалъ онъ свою «Ночь». Вѣроятно, что его тогда уже мучила мысль о самоубійствѣ.

Въ этомъ разсказѣ художественныя тѣни его настроеній, живыя тѣни вмѣстѣ съ кошмарными призраками бичующаго самообвиненія... Вотъ эти тѣни его переживаній:

«Онъ вспомнилъ горе и страданіе, какія довелось ему видѣть въ жизни, настоящее, житейское горе, передъ которымъ всѣ его мученія въ одиночку ничего не значили, и понялъ, что ему нужно итти туда, въ это горе, взять на свою долю часть его—и только тогда въ душѣ его настанетъ миръ.

«Страшно; не могу я больше жить за свой собственный страхъ и счетъ; нужно, непремѣнно нужно связать себя съ общей жизнью, мучиться и радоваться, ненавидѣть и любить не ради своего *я*, все пожирающаго и ничего взамѣнъ не дающаго, а ради общей людямъ правды, которая есть въ мірѣ, что̀ бы я тамъ ни кричалъ, и которая говоритъ душѣ, несмотря на всѣ старанія заглушить ее. Да, да!—повторялъ въ страшномъ волненіи Алексѣй Петровичъ—все это сказано въ зеленой книжкѣ (евангеліи) и сказано навсегда и вѣрно. Нужно «отвергнуть себя», убить свое я, бросить на дорогу...»[1])

Въ ту пору русская интеллигенція, идущая на подвигъ своего общественнаго служенія, переживала страшное время отчаянно-героической борьбы, борьбы послѣдняго жертвоприношенія. Эта жертва отчаянія безсильному богу своихъ общественныхъ идеаловъ окрашивала въ своеобразно-трагическій цвѣтъ всѣ интеллигентскія настроенія и переживанія того времени. То было время высшаго напряженія, послѣднихъ усилій интеллигентскаго революціоннаго движенія, вызваннаго страшнымъ гнетомъ реакціоннаго давленія. Общественная атмосфера была насыщена до высшей мѣры... Чуткая душа Гаршина, хотя и въ угарномъ чаду собственныхъ душевныхъ терзаній, не могла не воспринять этого ужаса жизни, и, воспринимая, воспринята до высшей мѣры, до точки каленія. Боль трагизма русской жизни со всею силою скребла его обнаженные нервы, мучила, томила и звала на что-то рѣшительное, звала неотвратимо,

---

[1]) Соч. I кн., стр. 199.

Digitized by Google

обязывала къ чему-то грозному, къ какому-то послѣднему, отчаянному усилію. Вотъ какъ описываетъ его состояніе въ это время родной ему по духу, умѣвшій понять его, Гл. И. Успенскій:

«Нѣсколько писателей собрались гдѣ-то въ Дмитровскомъ переулкѣ, въ только что нанятой квартиркѣ, не имѣвшей еще мебели, пустой и холодной, чтобы переговорить о возобновленіи стараго «Русскаго Богатства». Въ числѣ прочихъ былъ и В. М. Его ненормальное, возбужденное состояніе сразу обратило на себя всеобщее вниманіе. Никто не видалъ Гаршина въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ явился въ этотъ разъ. Охрипшій, съ глазами, налитыми кровью и постоянно затопляемыми слезами, онъ разсказывалъ какую-то ужасную исторію, но не договаривалъ, прерывалъ, плакалъ, бѣгалъ въ кухню подъ кранъ пить воду и мочить голову. На его бѣду, въ ту самую минуту, когда онъ только что съ жадностью наглотался холодной воды, въ кухню вошелъ матросъ съ мѣшкомъ на плечѣ и предложилъ купить рижскаго бальзама. Гаршинъ немедленно купилъ бутылку, откупорилъ ее, налилъ цѣльный стаканъ, опустошилъ его какъ воду, самъ очевидно не понимая, что такое съ нимъ творится, и видимо не зная, какъ развязаться съ ужаснѣйшимъ душевнымъ разстройствомъ. Все это происходило въ теченіе не болѣе пяти минутъ и только тогда, когда кто-то изъ знавшихъ Гаршина ближе меня, увезъ его домой, я могъ спросить: что такое съ нимъ случилось?..

«А съ Гаршинымъ было слѣдующее: наканунѣ того дня, когда я видѣлъ его въ новорождавшейся редакціи, онъ ночью въ три часа, такъ же для храбрости, выпилъ вина (вообще онъ совершенно не пилъ вина), почти ворвался къ одному высокопоставленному лицу въ Петербургѣ, добился, что лицо это разбудили, и сталъ умолять его на колѣняхъ, въ слезахъ, отъ глубины души, съ воплями раздиравшагося на части сердца о снисхожденіи къ какому то лицу, подлежащему строгому наказанію. Говорятъ, что высокое лицо сказало ему нѣсколько успокоительныхъ словъ, и онъ ушелъ. Но онъ не спалъ всю ночь, быть можетъ, весь предшествовавшій день; онъ охрипъ именно отъ напряженной мольбы, отъ крика о милосердіи, и зная самъ, что, по тысячѣ причинъ, просьба его дѣло невыполнимое—сталъ уже хворать, болѣть, пилъ стаканами рижскій бальзамъ, плакалъ, потомъ скрылся изъ Петербурга,

Digitized by Google

оказался гдѣ-то въ чьемъ-то имѣніи, въ Тульской губ., верхомъ на лошади, въ одномъ сюртукѣ, потомъ пѣшкомъ, по грязи, доплелся до Ясной Поляны, потомъ еще куда-то ушелъ, словомъ поступалъ «какъ сумасшедшій», пока не дошелъ до состоянія, въ которомъ больного кладутъ въ больницу» [1]).

Болѣе точный разсказъ обо всемъ, продѣланномъ Гаршинымъ за этотъ періодъ его жизни, находимъ въ біографическихъ матеріалахъ.

«Возбужденіе его, — разсказываетъ Абрамовъ, [2]) — достигло крайнихъ предѣловъ и, наконецъ, разразилось кризисомъ. Вслѣдъ за покушеніемъ на представителя Верховной Распорядительной Коммисіи, гр. Лорисъ—Меликова, В. М. явился къ послѣднему, чтобы убѣдить его въ необходимости «примиренія и произнесенія всепрощенія». Явился онъ ночью и, хотя графа въ то время строго охраняли, В. М. былъ до такой степени проникнутъ сознаніемъ важности и необходимости своей миссіи и это сознаніе придавало его обращенію, его голосу и всей его фигурѣ *такой повелительный видъ, что онъ былъ допущенъ* къ гр. Лорисъ-Меликову и долго бесѣдовалъ съ нимъ. Графъ отнесся къ нему, какъ къ больному, и отпустилъ его. Съ этого момента дальнѣйшія дѣйствія В. М. пріобрѣтаютъ все болѣе ненормальный характеръ. Всѣ видѣвшіе его въ это время говорятъ о немъ, какъ о человѣкѣ крайне возбужденномъ и дѣйствовавшемъ полубезсознательно. Скоро онъ уѣхалъ въ Москву. Здѣсь онъ совершилъ рядъ странныхъ и нелѣпыхъ поступковъ. Зачѣмъ-то ему захотѣлось поговорить съ тогдашнимъ московскимъ оберъ-полиціймейстеромъ Козловымъ и онъ избралъ для того такой странный способъ. Зайдя позднимъ вечеромъ въ публичный домъ, онъ сталъ угощать его обитательницъ и, накупивъ на приличную сумму, отказался платить; былъ составленъ протоколъ и его самого отправили въ участокъ, причемъ по дорогѣ онъ выбросилъ зачѣмъ-то бывшіе съ нимъ 25 р. Въ участкѣ онъ потребовалъ личнаго свиданія съ Козловымъ и, добившись его, имѣлъ съ нимъ разговоръ, подобный тому, который велъ съ Лорисъ-Меликовымъ. Изъ Москвы В. М. ѣздилъ въ Рыбинскъ, гдѣ получилъ оставшіеся въ полку 100 руб. слѣдовав-

[1]) «Памяти Гаршина», стр. 155—156.
[2]) «Памяти Гаршина», стр. 33—34.

Digitized by Google

шихъ ему подъемныхъ денегъ. Деньги эти тамъ же истратилъ на покупку новаго костюма, а бывшій на немъ подарилъ корридорному служителю въ гостиницѣ. Во время пребыванія въ Москвѣ онъ строилъ самые неосуществимые планы о поѣздкахъ по разнымъ частямъ Россіи, въ Болгарію... Много толковалъ о романѣ изъ болгарской жизни, задуманномъ имъ въ это время, мечталъ объ изданіи своихъ разсказовъ подъ заглавіемъ «Страданія человѣчества» и т. п. Въ то же время онъ до такой степени тосковалъ, что бывшій въ это время въ Москвѣ его старый другъ В. Н. Афанасьевъ долженъ былъ посвящать ему все свободное время и хоть немного отвлекать его отъ тоски. Пробывъ двѣ недѣли, В. М. рѣшился ѣхать въ Харьковъ, но такъ какъ у него не было денегъ, то пришлось заложить часы и кольцо. Однако, В. М. большую часть вырученной этимъ путемъ суммы истратилъ на разныя совершенно ненужныя ему покупки, такъ что только при помощи В. Н. Афанасьева онъ могъ взять билетъ до Тулы, гдѣ онъ расчитывалъ достать денегъ на дальнѣйшую дорогу». «Изъ Тулы, совершивши здѣсь также рядъ странныхъ поступковъ, В. М. уѣхалъ куда-то верхомъ, бросивъ всѣ свои вещи въ гостиницѣ. Въ это время онъ совершилъ цѣлый рядъ странствованій то верхомъ, то пѣшкомъ, по Тульской и Орловской губерніямъ, что-то проповѣдовалъ крестьянамъ, жилъ нѣкоторое время у матери извѣстнаго критика Писарева, попалъ въ Ясную Поляну, имѣнье гр. Л. Толстого, ставилъ послѣднему какіе-то мучившіе его вопросы, иногда выдавалъ себя за тайнаго правительственнаго агента и т. д. Въ это время его отыскивалъ братъ его, г. Евгеній Гаршинъ, которому, наконецъ, и удалось настигнуть его и уговорить ѣхать съ нимъ въ Харьковъ. Въ Харьковѣ онъ продолжалъ совершать самые странные поступки, какъ это можно видѣть изъ воспоминаній В. А. Фаусека. Однако, онъ былъ настолько тихъ и покоенъ, что окружающіе его считали излишнимъ помѣщать его въ больницу. Самъ онъ отнюдь не считалъ себя больнымъ» [1]).

О пребываніи его въ Харьковѣ Фаусекъ разсказываетъ: «Это было [2]) въ концѣ марта или въ первыхъ числахъ апрѣля, на Вербной или на Страстной недѣлѣ. Я пришелъ къ Гаршинымъ

[1]) «Памяти Гаршина», 36 стр.
[2]) «Памяти Гаршина», 87—91 стр.

Digitized by Google

часовъ въ восемь вечера и не засталъ Всеволода; онъ давно ушелъ куда-то и все еще не возвращался. Его родные стали разсказывать мнѣ подробности его заболѣванія и его похожденій. Мнѣ не хотѣлось уходить, не дождавшись и не увидѣвши Всеволода. Гаршины жили тогда въ маленькомъ, двухъ-этажномъ флигелѣ во дворѣ на Подгорной улицѣ. Въ верхнемъ этажѣ былъ балконъ, выходившій въ садикъ. Въ нижнемъ помѣщалась столовая, окна ея выходили во дворъ; мы сидѣли здѣсь и пили чай; я помѣстился около окошка. Долго мы сидѣли за самоваромъ; время шло, а Всеволода все не было; ужъ совсѣмъ свечерѣло, и на дворѣ стояла темная, пасмурная, весенняя ночь. Его хотѣли дождаться съ чаемъ; всѣмъ намъ было жутко; мы и такъ были возбуждены, а его долгое отсутствіе заставляло невольно безпокоиться. Гдѣ онъ? ужъ не сотворилъ ли чего нибудь? Вдругъ я услыхалъ рѣзкій и быстрый стукъ въ окошко, у котораго я сидѣлъ; оглянулся—и, при свѣтѣ лампы, стоявшей на столѣ, съ трудомъ разглядѣлъ Всеволода. Онъ проходилъ по двору, увидѣлъ меня въ освѣщенное окошко и застучалъ мнѣ, весело улыбаясь и оживленными жестами выражая мнѣ привѣтствіе. Черезъ минуту онъ вбѣжалъ въ комнату и сталъ шумно выражать мнѣ, какъ радъ меня увидѣть. Я не узналъ того Всеволода, съ которымъ простился осенью на Харьковскомъ вокзалѣ. Онъ похудѣлъ и страшно загорѣлъ на мартовскомъ солнцѣ и вѣтрѣ во время своихъ скитаній по Тульской и Орловской губерніямъ. Онъ сталъ совсѣмъ какой-то черный отъ загара. Глаза горѣли какъ уголья; выраженіе тайной грусти, обыкновенно свѣтившееся въ нихъ, исчезло. Они сіяли теперь радостно, возбужденно и гордо. И весь онъ былъ такъ странно оживленный и счастливый, какимъ я его еще не видалъ. На немъ было пальто и шляпа съ широкими полями. И пальто и платье были по грудь совершенно сырыя. Онъ разсказалъ намъ, что давно уже, чуть не съ полудня, ушелъ за городъ и тамъ гулялъ все время; въ одномъ мѣстѣ онъ наткнулся на рѣчку, не могъ ее обойти и перешелъ въ бродъ; вода ему была по грудь. Нѣсколько часовъ ходилъ онъ мокрый, къ вечеру обсохъ немного, но все еще былъ сырой; мы не могли убѣдить его пойти переодѣться. Съ нимъ была папка, а въ ней, между листами газетной бумаги, онъ принесъ съ собой

Digitized by Google

множество первыхъ весеннихъ цвѣтовъ; съ чувствомъ необыкновенной радости и удовольствія сталъ онъ ихъ перебирать, показывать мнѣ и перекладывать. Я спросилъ его, зачѣмъ они ему? «А !какъ-же воскликнулъ онъ.—Это для Герда гербарій; ему это очень нужно».

«Я пробылъ въ Харьковѣ два или три дня, и каждый день по долгу проводилъ съ нимъ время. Онъ былъ въ состояніи крайняго возбужденія; лихорадочная дѣятельность его, разговоръ безъ умолку не прекращались ни на минуту. Отъ его осенней тоски не осталось и слѣда. Онъ имѣлъ теперь видъ человѣка увѣреннаго въ себѣ, довольнаго, совершенно счастливаго. Онъ вовсе не производилъ страшнаго или непріятнаго впечатлѣнія; онъ былъ такъ же мягокъ въ обращеніи, ласковъ и любезенъ, какъ всегда. По крайней мѣрѣ, я его видѣлъ такимъ. Мнѣ разсказывали, что иногда онъ приходилъ въ состояніе крайняго раздраженія и вспыльчивости. При мнѣ этого не случалось, и въ немъ не было ничего, внушающаго безпокойство. Но его чрезвычайное нервное напряженіе невольно передавалось и его собесѣднику, и присутствіе его волновало; разговоръ съ нимъ, поневолѣ осторожный и неискренній, былъ тяжелъ. Говорилъ онъ безъ умолку, постоянно перескакивая съ одного предмета на другой, но безумнаго собственно въ это время въ его разговорѣ еще было мало. Всѣмъ впечатлѣніямъ сего міра онъ былъ еще доступенъ, и бредъ его больного духа въ это время еще не заслонялъ передъ нимъ дѣйствительности, какъ это было позднѣе; только отношеніе къ дѣйствительности было у него ненормальное. Изрѣдка проскальзывало въ его разсказахъ кой-что такое, чего, можетъ быть, и не было съ нимъ на самомъ дѣлѣ, а только казалось или мерещилось ему; въ общемъ же онъ еще довольно ясно сознавалъ и себя, и дѣйствительность. Постороннему, чужому человѣку онъ съ перваго раза вѣроятно не показался бы сумасшедшимъ, а только очень оживленнымъ, счастливымъ и какимъ-то страннымъ человѣкомъ».

Далѣе по разсказу Абрамова [1]) «проживъ въ Харьковѣ 3 недѣли, В. М. неожиданно исчезъ изъ него, и брату его снова пришлось отыскивать его. Онъ оказался въ Орлѣ, въ домѣ

---

[1]) „Памяти Гаршина", 37 стр.

Digitized by Google

Stanford University Libraries

умалишенныхъ, куда посадили его послѣ нѣсколькихъ его чудачествъ. Состояніе его въ это время было буйное, и его пришлось везти связаннымъ, въ отдѣльномъ купе. Въ Харьковѣ онъ прямо былъ доставленъ въ больницу умалишенныхъ на Сабуровой дачѣ, куда за годъ до того онъ ходилъ слушать лекціи по психіатріи. Онъ узнавалъ всѣхъ, сознавалъ, что онъ душевно боленъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно жилъ въ мірѣ фантазіи и говорилъ посѣтителямъ самыя невѣроятныя вещи. На Сабуровой дачѣ онъ прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ. Затѣмъ по совѣту проф. Ковалевскаго, онъ былъ перевезенъ въ Петербургъ въ лечебницу д-ра Фрея. Здѣсь онъ оправился, т. е. пересталъ жить въ мірѣ фантазій, пересталъ быть безумнымъ. Но онъ представлялъ собою человѣка, совершенно разбитаго и физически, и нравственно, какой-то полутрупъ. Въ такомъ видѣ его привезли къ роднымъ въ Харьковъ, а отсюда его взялъ къ себѣ въ деревню его дядя В. С. Акимовъ».

Все это было какъ-бы живымъ прологомъ къ «Красному цвѣтку» Гаршина, который былъ имъ написанъ нѣсколькими годами позже всѣхъ пережитыхъ за это время душевныхъ перипетій. Въ деревнѣ у своего дяди, Акимова, В. М. оправился, сталъ здоровымъ, окрѣпъ нервами и началъ входить въ чуждую для него колею обыденности. Жизнь его съ внѣшней стороны опять потекла сравнительно ровно, хотя и не безъ обычныхъ для него колебаній настроеній, приступовъ тоски, меланхоліи, порою апатіи. Литературная извѣстность его растетъ, его признаетъ критика, любитъ читатель, И. С. Тургеневъ съ теплой симпатіей относится къ таланту Гаршина, съ нимъ Вс. Мих. вступаетъ въ переписку. Вскорѣ выходитъ первая книжка разсказовъ Гаршина. Но литературный трудъ слишкомъ мучительно-болѣзненъ, изнуритель для Гаршина, онъ не можетъ сдѣлать литературу—профессіей, и вотъ, ради заработка, поступаетъ на службу, сначала въ управленіе Анненовской писчебумажной фабрики, въ Гостиномъ дворѣ въ Петербургѣ, а, затѣмъ, тяготясь этой отнимающей у него много времени работой, оставляетъ ее и получаетъ мѣсто секретаря съѣзда представителей желѣзныхъ дорогъ. На эту службу Гаршинъ не жалуется, легко мирится съ ней. Затѣмъ, въ 1883 году, Гаршинъ женится на Надеждѣ Михайловнѣ Золотиловой, студент-

Digitized by Google

кѣ медицинскихъ курсовъ. «Вотъ одиннадцатый мѣсяцъ, какъ мы обвѣнчались,—писалъ В. М—чъ Латкину 9 декабря 1887 г. [1]) —всегда буду помнить этотъ годъ съ благодарностью Богу и судьбѣ. И надѣемся, что наша жизнь будетъ долго такъ же спокойна (глупое слово, найди самъ); очень ужъ мы съ нею сошлись»...

Въ полосѣ *какихъ* настроеній Гаршинъ живетъ эти годы, *какъ чувствуетъ себя*, можно судить по слѣдующимъ отрывкамъ его писемъ. «Служу, женатъ. Вообще «очень потолстѣлъ и играетъ на скрипкѣ», насколько можетъ предаваться такому занятію человѣкъ, который по устройству своему также склоненъ принимать сладкое, если не за горькое, то за не очень сладкое. Насколько я могу быть доволенъ—кажется, доволенъ. Недоволенъ только тѣмъ, что почти ничего не пишу. Пугаюсь даже, Викторъ Андреевичъ, не кончилъ ли я своей литературной карьеры! До такой степени трудно писать, думать, что я не знаю, въ головѣ ли у меня совершается какой то скверный процессъ («хвостики» портятся), или это „такъ"—временное затменіе напало? Не знаю, но только хотя писать охота смертная, да участь горькая—ничего не выходитъ» [2]). (18 мая, 1883 г.). Въ октябрѣ того же года онъ пишетъ Фаусеку: «Я очень благополученъ, дорогой мой другъ, даже въ сущности счастливъ, внѣшне и лично, разумѣется, ибо благородство души моей столь велико, что уловляя себя на минуту на мысли, что жить вообще хорошо, сейчасъ же подыскиваешь какую-нибудь пакость для приведенія себя въ должное состояніе страдальца по Достоевскому и К°» [3]). А уже отъ 23 декабря иной тонусъ. «6-го были мы съ Васей у X; собралось на именины человѣкъ 15 молодыхъ учителей, адъюнктовъ, лаборантовъ и прочей ученой братіи. Нехорошее я вынесъ впечатлѣніе. Разговоры объ единицахъ, рѣшеніе геометрическихъ курьезовъ, разговоры о трехлорметилбензолоидной окиси какой-то чертовщины (я, конечно, навралъ въ этомъ названіи, какъ дикарь, но si non è vero, è ben trovato)—это часть первая. Гнуснѣйшіе въ полномъ смыслѣ анекдоты—соединеніе ужасной чепухи съ безцѣльной и неостро-

1) «Свѣдѣнія о жизни Вс. М. Гаршина», Скабичевскаго при собр. разсказовъ Гаршина, 47 стр.

2) „Памяти Гаршина", стр. 50.

3) „Свѣдѣнія о жизни Вс. М. Гаршина", Скабичевскаго при соб. соч. Гаршина—50 стр.

Digitized by Google

умной пахабщины (какая-то турецкая или ташкентская)—это вторая. Основательная выпивка—третья. И больше ничего. Ни одного не только разумнаго, а хоть сколько нибудь интереснаго слова. Право, какое-то одичаніе... Да и вообще одичаніе. Какъ мы привыкли, напримѣръ, къ этому свѣжеванію! Толкуютъ, конечно, такого ужаса, какой испытываетъ человѣкъ въ морѣ, а онъ (ужасъ) вполнѣ законенъ»... [1]) Вообще рядъ настроеній то подымается, то падаетъ. Фаусеку отъ 3 февраля 1884 года В. М. пишетъ, «теперь я «влачу жизнь». Именно не живешь, а влачишь жизнь: т. е. не прилагаешь къ ней никакихъ стараній, а отдаешься пассивно: пусть будетъ, что будетъ. *Съ нетерпѣніемъ ожидаю перемѣны настроенія* (*точно морякъ вѣтра!*), *чтобы что нибудь писать*. Пробовалъ я было писать, да что то не идетъ... Вчера мнѣ минуло 29 лѣтъ. Довольно скверное чувство овладѣваетъ мной при мысли, что тридцать лѣтъ черезъ годъ и что молодость прошла. А впрочемъ, куда ни посмотришь, молодость далеко не обрѣтается въ авантажѣ. Можетъ быть, и лучше, что моя молодость прошла» [2]). «*Живешь, живешь благополучно—вдругъ какъ тать въ нощи—нервозность!*»..

Такъ съ значительными колебаніями амплитуды его душевнаго маятника длилась жизнь Гаршина до самаго трагическаго конца.

Атмосфера тревоги ожиданій болѣзни стала опять сгущаться надъ нимъ и смерть не заставила себя ждать.

„Я жилъ близко отъ него,—разсказываетъ Фаусекъ объ этомъ времени его жизни,—и онъ довольно часто заходилъ ко мнѣ на короткое время. Взойдетъ унылый и тоскливый въ своей шубѣ и теплой шапкѣ, нехотя раздѣнется и бродитъ вяло по комнатѣ, заглядывая, по своей всегдашней привычкѣ, во всѣ книги и трогая всѣ вещи, которыя попадались ему на глаза. Предложите ему чаю, онъ откажется; но если нальешь ему стаканъ и усадишь его за столъ, онъ станетъ пить и разговаривать, и, постепенно оживляясь, мало по малу принимался болтать, даже шутить и смѣяться. Уходя, онъ сразу дѣлался мрачнымъ: онъ зналъ, что за две-

---

[1]) «Свѣдѣнія о жизни В. М. Гаршина», Скабичевскаго при соб. соч. Гаршина, стр. 50—51.

[2]) Тамъ же, стр. 51.

Digitized by Google

рями его ждетъ и караулитъ злая тоска»... [1]) Приближеніе болѣзни чувствовалось все ощутительнѣе... Онъ сталъ бояться за себя, поѣхалъ съ женой къ д-ру Фрею и совѣтовался съ нимъ. Докторъ еще надѣялся на улучшеніе и уговаривалъ его немедленно уѣхать. У него стали, какъ кажется, проскальзывать безумныя идеи—такъ какъ въ послѣдніе дни у него вырывались замѣчанія и слова, непонятныя для слушателей; онъ чувствовалъ вѣроятно приближеніе безумія, не выдержалъ страшнаго ожиданія и, наканунѣ назначеннаго отъѣзда, когда все уже было готово и вещи уложены, послѣ мучительной, безсонной ночи, въ припадкѣ безумной тоски, онъ вышелъ изъ своей квартиры, спустился нѣсколько внизъ и бросился съ лѣстницы“ [2]).

Къ тому, что было незадолго передъ катастрофой относится разсказъ г-на Бибикова. «Угнетенное душевное настроеніе Гаршина долго не проходило. Не разъ, провожая меня со свѣчей по лѣстницѣ до подъѣзда, онъ говаривалъ:—«право, лучше умереть, чѣмъ жить въ тягость себѣ и другимъ». Я пробовалъ обращать разговоръ въ шутку, но онъ останавливался на лѣстницѣ, держа меня за рукавъ пальто, освѣщалъ свѣчей широкій пролетъ лѣстницы и говорилъ:

— Неужели васъ не подмываетъ броситься туда.—Внизу пролета стояла печка, вѣтеръ черезъ плохо притворенную дверь подъѣзда врывался на лѣстницу, тѣни бродили по стѣнамъ, и блѣдный В. М. продолжалъ убѣжденнымъ голосомъ:—«*зачѣмъ жить, чего ждать, все равно никогда не сбудется то, о чемъ мечтаешь*, а жить для славы, для искусства, право, смѣшно». Онъ нарочно подолгу останавливался на лѣстницѣ, чтобы развивать свои, сдѣлавшіеся любимыми, взгляды наединѣ со мной, потому, что тамъ, въ квартирѣ, ему не хотѣлось огорчать семью» [3]).

«Въ его сердцѣ лежалъ тяжелый, холодный камень, давившій это бѣдное сердце и заставлявшій его стонать отъ боли. Камень давилъ его сердце и онъ хотѣлъ умереть» [4])... «Онъ думалъ о вѣчномъ страданіи, вѣчномъ рабствѣ, вѣчной тьмѣ... И это былъ

---

[1]) „Памяти Гаршина“, 119 стр.
[2]) Тамъ же 122 стр.
[3]) Разсказы Виктора Бибикова.
[4]) Памяти Гаршина, 131 стр., отрывокъ изъ напечатаннаго произведенія Гаршина.

Digitized by Google

его камень. Камень давилъ его сердце и сердце не выдержало, и онъ умеръ» [1])...

И вотъ 19-го марта 1888 года онъ бросился въ пролетъ лѣстницы. «Онъ не убился до смерти; его подняли разбитаго, съ переломленной ногой и перенесли въ квартиру. Тѣ нѣсколько часовъ, которые онъ еще пробылъ въ сознаніи, онъ глубоко страдалъ нравственно, онъ не переставалъ упрекать себя за свой поступокъ; въ близости конца онъ, кажется, былъ вполнѣ увѣренъ. «Неужели? неужели?» сказалъ онъ, глядя на свои изувѣченныя ноги; была ли это радость, что прекратятся его страданія, или ужасъ при мысли, что для него все кончено?—Это осталось непонятнымъ. Доктору, который успокаивалъ его, что черезъ мѣсяцъ онъ встанетъ, онъ отвѣтилъ усмѣшкой. Когда А. Я. Гердъ пріѣхалъ къ нему, онъ засталъ В. М. лежащимъ на кровати и цѣлующимъ руки жены. На вопросъ, больно ли ему, страдаетъ ли онъ—онъ отвѣтилъ А. Я. Герду: «что значитъ эта боль въ сравненіи съ тѣмъ, что здѣсь!»—и указалъ на сердце. Когда физическое страданіе усиливалось В. М. говорилъ: «такъ мнѣ и нужно, такъ мнѣ и нужно».

«Я увидѣлъ его уже въ больницѣ, разсказываетъ Фаусекъ, въ безсознательномъ состояніи. Около него сидѣли жена его и В. М. Латкинъ. Онъ казался спящимъ, крѣпкимъ и спокойнымъ сномъ здороваго, но очень утомленнаго человѣка. Дыханіе его было сильное и громкое. Онъ не шевелилъ ни рукой, ни ногой, и жена его отъ времени до времени перемѣняла положеніе его головы и тѣла, чтобы не отекали члены. Къ головѣ его прикладывали ледъ. Красивый, южный типъ его смуглаго лица, его густые, черные волосы какъ то особенно рѣзко выдѣлялись на бѣлой подушкѣ, бѣломъ одѣялѣ и бѣломъ платкѣ, прикрывавшемъ голову. Выраженіе лица было спокойно и не обнаруживало страданія.

«Тонкій отпечатокъ чего то одухотвореннаго, изящнаго и нѣжно-жалобнаго оставило страданіе на его лицѣ» [2]), невольно вспоминались эти строки разсказовъ Гаршина.

---

[1]) Тамъ же, стр. 143,—тоже.

[2]) „Изъ воспоминаній рядового Иванова“. Соч. книжка вторая, стр. 63.

Digitized by Google

Онъ не выходилъ изъ этого состоянія глубокаго сна до самой смерти [1]).

Г. М. Л. въ своемъ очеркѣ «Писатель» даетъ еще такой варіантъ: «Его перенесли и положили въ чистую комнату. Больной обвелъ ее усталымъ взглядомъ. Онъ зналъ, что недолго останется въ ней, онъ зналъ, что это послѣдняя станція на трудномъ, тернистомъ пути, за которой слѣдуетъ вѣчный покой и ничѣмъ ненарушимый отдыхъ... Его грудь поднялась радостнымъ успокоительнымъ вздохомъ. «Слава Богу!»—прошептали блѣдныя губы и, придерживая здоровой больную руку, онъ осѣнилъ свою наболѣвшую *грудь широкимъ знаменіемъ креста*. Потомъ усталая голова опустилась на подушки и темныя, скорбныя очи закрылись [2])....

III.

Гаршину не свойственна была равнина душевнаго существованія, онъ томился на ней, какъ рыба, выброшенная на сухой берегъ. Глубочайшими корнями страдающей души своей онъ принадлежалъ самой глуби трагической стихіи, тончайшими нервами живой боли онъ былъ связанъ съ таинственными нѣдрами той бездны страданія, ближайшее пріобщеніе къ которой уже безнаказанно не обходится и выливается съ своей эмпирической стороны въ психическихъ заболѣваніяхъ.

Много занимались болѣзнью Гаршина, его самого и сочиненія его проводили сквозь призму психіатріи, и это, конечно, законно. Напр., г. Сикорскій первый разсмотрѣлъ съ клинической точки зрѣнія его «Красный цвѣтокъ», г. Баженовъ поставилъ діагнозъ надъ болѣзнью самого автора «Краснаго цвѣтка» въ своихъ «Литературно-психіатрическихъ этюдахъ», дѣлались и еще опыты въ этомъ направленіи. Это проливаетъ *свой*, спеціальный свѣтъ на предметъ, но освѣщеніе это *условное*, чего ни въ коемъ случаѣ не слѣдуетъ забывать. Приложеніе психіатріи къ художественному творчеству возможно и нужно, но оно всегда условно, и ни въ

---

1) «Памяти Гаршина», 142 стр.
2) Тамъ же, 145 стр.

Digitized by Google

коемъ случаѣ не можетъ переходить своихъ границъ, которыя опредѣляются самими познавательно-философскими предпосылками психіатріи, какъ науки. Она не должна обманываться абсолютной значительностью своихъ показаній, какъ это замѣчается въ нѣкоторыхъ литературно-психіатрическихъ этюдахъ, она не имѣетъ права претендовать на высшій судъ. Болѣзнь у Гаршина несомнѣнна, какъ и эпилепсія у Достоевскаго и многихъ другихъ, но это только одно изъ данныхъ психологіи творчества, которымъ никогда нельзя отвести его прямой смыслъ, какъ исканія правды въ художественныхъ образахъ. И никакая клиническая точка зрѣнія не должна посягать здѣсь на ограниченія условій, при которыхъ правда можетъ открыться, не должна поглощать прямого смысла исканій больной души. Для отвода этихъ посягательствъ и этого поглощенія достаточно уже того голаго положенія, что въ искусствѣ, какъ вообще въ жизни, ищется правда, а не здоровье. Здоровье не можетъ быть критеріемъ правды, и болѣзнь, психическая болѣзнь часто является той средой, черезъ которую раскрываются искомыя высшія цѣнности. И клиника не призвана къ суду надъ этимъ вѣчно-цѣннымъ, ея ярлычекъ-діагнозъ остается снаружи того, изъ чего, какъ изъ яйца, вылупляется истина... Высшій судъ принадлежитъ здѣсь во всякомъ случаѣ не психіатріи.

Болѣзнь Гаршина играла роль въ его жизни, она была той канвой, на которой развернулась страшно-прекраснымъ, краснымъ *цвѣткомъ* его душевная драма. Болѣзнь мучила Гаршина; переживъ ея острые кризисы нѣсколько разъ, онъ всегда страшно боялся ея приближенія. Абрамову Гаршинъ говорилъ: «я предпочелъ бы страдать самою ужасною болѣзнью, быть сифилитикомъ, отличаться крайнымъ уродствомъ, наконецъ, потерять обѣ руки, только избавиться бы отъ *этой ужасной боязни сумасшествія*». «Трудно сказать, былъ-ли В. М. избавленъ отъ этой боязни когда-либо, ибо даже въ минуты совершеннаго спокойствія и счастья онъ порою совершенно неожиданно говорилъ такія вещи, которыя ясно показывали, что и въ эти минуты его точилъ все тотъ же червякъ. Время отъ времени эта боязнь безумія усиливалась и тогда онъ впадалъ въ состояніе крайней меланхоліи. Періоды эти совпадали обыкновенно съ лѣтнимъ временемъ, и съ наступленіемъ теплаго

Digitized by Google

времени и самъ В. М., и его окружающіе такъ уже и ждали наступленія меланхолическаго состоянія.»[1])

Объ этихъ-же мукахъ отъ страха передъ болѣзнью разсказываетъ другой знакомый Гаршина, А. Васильевъ. «Онъ говорилъ, что не спитъ по цѣлымъ суткамъ; что во время этой безсонницы его преслѣдуетъ мысль о самоубійствѣ, и что онъ по нѣскольку разъ въ ночь подходитъ къ стоящему въ квартирѣ—гдѣ онъ жилъ временно—шкафу съ оружіемъ, намѣреваясь оттуда достать или кинжалъ или револьверъ, и если не воспользовался ими, то лишь потому только, что не въ силахъ былъ взломать запертый шкафъ". [2])

Но рядомъ съ этимъ страхомъ за болѣзнь свою, трепетомъ предъ ея повтореніемъ было у Гаршина и другое отношеніе къ ней. Несомнѣнно то, что единство индивидуальнаго сознанія не разрывалось у него между переживаніями въ безумьи болѣзни и въ равнинѣ здоровья. Двойственность сознанія во время болѣзни у него была, но все, на что подымалась, что обнимала, что искала его страждущая душа въ припадкахъ болѣзненнаго напряженія, переходило съ нимъ въ его сознаніе и по пробужденіи. Онъ помнилъ и могъ разсказывать пережитое и содѣянное въ самый острый періодъ болѣзни. Характерно, о чемъ много біографическихъ свидѣтельствъ, что Гаршинъ съ его неугомонной совѣстью считалъ себя отвѣтственнымъ за то, что дѣлалъ въ припадкахъ болѣзни, искренно и живо чувствовалъ вину и не успокаивался никакими соображеніями, не принималъ авторитета психіатрической точки зрѣнія. «Болѣе всего угнетаютъ меня безобразныя, мучительныя воспоминанія послѣднихъ двухъ лѣтъ. Господи, какъ извращаетъ человѣка болѣзнь! Чего я только ни надѣлалъ въ своемъ безумствѣ. Хотя и существуетъ мнѣніе, что человѣкъ съ больнымъ мозгомъ не отвѣтственъ за свои проступки, но я по себѣ вижу, что оно не такъ. По крайней мѣрѣ то, что называется совѣстью, мучитъ меня ничуть не менѣе за сдѣланное во время изступленія, какъ если бы его и вовсе не было». [3])

Его повѣсть «Надежда Николаевна», въ которой рисуется

---

1) „Памяти Гаршина", 44 стр.
2) «Красный цвѣтокъ», 27 стр.
3) «Памяти Гаршина», 94 стр.

Digitized by Google

сложная драма трехъ существъ. Въ финалѣ совершается убійство за убійство въ угарѣ почти безумія, повѣсть кончается такъ: «... Для человѣческой совѣсти нѣтъ писанныхъ законовъ, нѣтъ ученія о невмѣняемости, и я несу за свое преступленіе казнь. Мнѣ недолго уже нести ее. Скоро Господь проститъ меня, и мы встрѣтимся всѣ трое тамъ, гдѣ наши страсти и страданія покажутся намъ ничтожными и потонутъ въ свѣтѣ вѣчной любви». [1])

И было что-то въ переживаніяхъ Гаршина, что открывалось ему именно черезъ боль и муки, въ страстно-воспаленныхъ порывахъ его безумія были не только ужасъ и испугъ, но и какой-то восторгъ, какая-то свѣтящая радость боли. Она, эта радость, высвѣчиваетъ изъ-за страшной темы его изнурительныхъ, болящихъ переживаній. Въ сборникѣ „Памяти Гаршина", нѣкто Л. М., давшій характеристику В. М. въ художественномъ очеркѣ «Писатель», говоритъ: «Какъ фениксъ изъ пепла, такъ его сильная и богатая натура возрождалась отъ безумія къ жизни. Словно все мрачное и горькое выгорѣло въ его душѣ, словно этими минутами существованія въ мірѣ безъ времени и пространства онъ освободился отъ своей скорби и возвратился въ обыденную жизнь, *сохраняя въ душѣ частичку той радости, которая составляла основной характеръ его безумія*». [2]) Что эту частичку радости сохраняла душа Гаршина, послѣ того какъ проносился ураганъ безумія, что она входила въ самый составъ «безумія»,— это подтверждаетъ приведенный выше разсказъ Фаусека о радостной тревогѣ настроеній въ самый разгаръ его болѣзни, когда онъ, послѣ посѣщенія гр. Лорисъ-Меликова и угарныхъ блужданій по разнымъ мѣстамъ, очутился въ Харьковѣ передъ помѣщеніемъ въ Сабурову дачу. А. И. Эртель въ своей рѣчи «О Всеволодѣ Гаршинѣ», читанной въ „О-вѣ любителей русск. словесности", тоже бросаетъ свѣтъ на эту сверкающую радость безумія въ Гаршинѣ, на свѣтъ, свѣтящій во тьмѣ его сумасшествія. Разсказъ какъ разъ относится ко времени тѣхъ-же, вышеописанныхъ блужданій Всеволода Михайловича.

«Всеволодъ Михайловичъ, разсказывая мнѣ долго спустя о томъ состояніи, которое предшествовало его болѣзни, о тѣхъ ощущеніяхъ

[1]) Соч. Гарш., 2 кн., 194 стр.
[2]) „Памяти Гаршина", 136 стр.

Digitized by Google

и мысляхъ, съ которыми онъ уѣзжалъ изъ Петербурга, о тѣхъ перемѣнахъ мрака и свѣта, которыми волновалась его измученная и обезпокоенная душа,—съ чувствомъ живѣйшаго умиленія вспоминалъ о томъ, какъ съ дороги изъ Тулы пошелъ онъ пѣшкомъ въ Ясную Поляну къ незнакомому ему въ то время графу Л. Н. Толстому, о разговорѣ съ нимъ, длившемся всю ночь, и о томъ, что считаетъ эту ночь «лучшей и счастливѣйшей» въ своей жизни. Это, я думаю, поясняетъ нѣкоторую черточку въ характерѣ и настроеніи покойнаго писателя». [1])

О томъ, что въ отчаяніи своихъ безумственныхъ порывовъ Гарщинъ искалъ упоенія правды, *всерѣшающей, всей* правды, жгучая жажда которой и ввергала его въ трепетъ, переходящій въ безуміе,—свидѣтельствуетъ также письмо его изъ Тулы, весной 1880 году, въ пору все тѣхъ-же блужданій, А. Я. Герду.

«Тула. $\frac{13}{III}$ 1880. Сегодня пріѣхалъ въ Тулу послѣ двухнедѣльнаго житья въ Москвѣ и поѣздки въ Рыбинскъ (мнѣ нужно было быть въ полку за полученіемъ моего офицерскаго «содержанія», которое «вышло», какъ говорятъ солдаты, только два мѣсяца назадъ). Я послалъ вамъ изъ Москвы только одно письмо, да и то о постороннемъ дѣлѣ, такъ какъ дѣлъ всевозможныхъ было по горло. Нужно было разругаться съ «Русскими Вѣдомостями» (?), съ «Русскимъ Курьеромъ» (газета, имѣющая будущность, какъ мнѣ кажется, хорошую), найти кучу знакомыхъ и пр., и пр. А писать вамъ и именно вамъ—просто нужно, это потребность. Вамъ, а не Володѣ (В. М. Латкину), не Надѣ (Н. М. Золотилова, впослѣдствіи супруга В. М.) я пишу именно потому, что вы уже пережили, и можетъ быть не разъ, страшный кризисъ, который я испытывалъ въ эту зиму. *Не знаю, вамъ, можетъ быть, не приходилось въ минуту отчаянія найти правду, къ которой я стремился, что было силъ, всегда какъ только началъ сознавать и понимать;* вамъ, можетъ быть, не приходилось надѣвать себѣ петлю на шею и потомъ,—что всего страшнѣе,—снимать ее. Я не знаю, доходили-ли вы въ острые періоды развитія до такихъ минутъ, но я *вѣрю*, да пожалуй даже *чувствую*, пожалуй и *знаю*, что не легко далось вамъ то

---

[1]) „Красный цвѣтокъ“, стр. 49.

Digitized by Google

Stanford University Libraries

сравнительное, душевное спокойствіе, какимъ вы обладали всегда, когда я зналъ васъ. Володя старше меня на полгода, но жизнь его текла все-таки ровнѣе, чѣмъ моя. Она не давала ему medicamenta heroica, какъ мнѣ. Этимъ и только этимъ я объясняю то обстоятельство, что даже Володя, который понимаетъ меня съ полуслова, почти ничего не понялъ изъ моего поведенія 15–25 февраля. Онъ думалъ даже, что я схожу съ ума... Господи! да поймутъ ли наконецъ меня люди, что всѣ болѣзни происходятъ отъ одной и той-же причины, которая будетъ существовать всегда, пока существуетъ невѣжество! Потребность умственной работы, потребность чувства, физической любви, *потребность претерпѣть*, потребность спать, пить, ѣсть и такъ далѣе. Всѣ болѣзни, А. Я., рѣшительно всѣ, и «соціализмъ» въ томъ числѣ, и гнетъ въ томъ числѣ, и кровавый бунтъ вродѣ пугачевщины въ томъ числѣ.

«Такъ и было со мною.

«Я все отклоняюсь въ сторону. Я хотѣлъ писать вамъ о себѣ, о своемъ (хотѣлъ написать «внутреннемъ», но тутъ это слово не идетъ: вмѣсто него нужно было поставить «всякомъ») состояніи. *Я никогда за 20 лѣтъ не чувствовалъ себя такъ хорошо, какъ теперь*» [1]).

Письмо это въ разбродѣ словъ, чувствъ и мыслей кричитъ въ подчеркнутыхъ мѣстахъ о той-же радости, озаряющей Гаршина въ крайнемъ напряженіи его болѣзненно-смутныхъ порывовъ,—«за 20 лѣтъ не чувствовалъ себя такъ хорошо, какъ теперь». Говоритъ оно и о томъ, изъ глуби всей натуры Гаршина рождающемся, стремленіи «*въ минуту отчаянія найти правду*».

IV.

Страстно-жгучій, мучительно томящій зовъ къ всеразрѣшающей, всеспасающей правдѣ не замолкалъ въ душѣ Гаршина и тогда, когда съ острыхъ отвѣсовъ безумія, страшно высящихся надъ бездной гибели, онъ спускался въ ровныя долины нормальности. Въ порывахъ безумія, въ болѣзненныхъ стремленіяхъ его

---

[1]) «Памяти Гаршина», стр. 34—35.

Digitized by Google

съ страшной силой и мучительной заостренностью выливалось то, что жило въ его душѣ всегда, и всегда томило и мучило. Вулканическія изверженія выбрасываютъ клубы раскаленной лавы на поверхность, но въ глубинѣ темнаго кратера спокойно потухшаго вулкана уже всегда таится, какъ вѣчная угроза, этотъ страшный огнь попаляющій. Характерно, что самая выразительная художественная вещь Гаршина, боль его болей, знаменитый «Красный цвѣтокъ», написанъ въ годъ счастливой женитьбы В. М—ча, въ минуты душевнаго затишья. И здѣсь, черезъ фантастическій замыселъ разсказа пробивается самая реальная правда личности и жизни Гаршина... «Разсказъ,—говоритъ В. М. въ одномъ изъ писемъ о задуманномъ имъ «Красномъ цвѣткѣ» — относится ко временамъ моего сидѣнья на Сабуровой дачѣ: *выходитъ нѣчто фантастическое, хотя, на самомъ-то дѣлѣ, строго реальное*», [1]) «Все содержаніе «Краснаго цвѣтка»,—говоритъ Фаусекъ,—кромѣ конца, конечно,—носитъ въ высокой степени *автобіографическій характеръ и есть художественная исповѣдь самого Всеволода Михайловича*» [2]).

«Красный цвѣтокъ»—это центральная точка боли души Гаршина, символъ его живого стремленія «*въ минуту отчаянія найти правду*», символъ его нетерпѣливо-взывающаго, судорожнаго исканія всеупоенной правды, правды всеразрѣшающей, всеуспокаивающей, всеспасающей. Здѣсь стремленіе въ послѣднемъ героическомъ напряженіи изболѣвшаго сознанія *разомъ постигнуть и преодолѣть всю глубь трагизма жизни, весь ужасъ мірового зла*, «что прежде достигалось,—говоритъ герой «Краснаго цвѣтка»—длиннымъ путемъ умозаключеній и догадокъ, теперь я познаю интуитивно» [3]) «...Онъ видѣлъ себя въ какомъ-то волшебномъ, заколдованномъ кругу, собравшемъ въ себя всю силу земли, и *въ горделивомъ изступленіи считалъ себя за центръ этого круга*. Всѣ они, его товарищи по больницѣ, собрались сюда затѣмъ, чтобы исполнить дѣло, смутно представлявшееся ему гигантскимъ предпріятіемъ, направленнымъ къ уничтоженію зла на землѣ. Онъ не зналъ, въ чемъ оно будетъ со-

---

[1]) «Памяти Гаршина» 46 стр.
[2]) Тамъ-же, стр. 95.
[3]) Соб. соч., II кн., 79 стр.

Digitized by Google

стоять, но чувствовалъ въ себѣ достаточно силъ для его исполненія. Онъ могъ читать мысли другихъ людей; видѣлъ въ вещахъ всю ихъ исторію; большіе вязы въ больничномъ саду разсказывали ему цѣлыя легенды изъ пережитаго» [1]).

«Онъ сорвалъ цвѣтокъ этотъ, потому что видѣлъ въ такомъ поступкѣ подвигъ, который онъ былъ обязанъ сдѣлать. При первомъ взглядѣ сквозь стеклянную дверь, алые лепестки привлекли его вниманіе, и ему показалось, что онъ съ этой минуты вполнѣ постигъ, что именно долженъ совершить на землѣ. Въ этотъ яркій красный цвѣтокъ скрылось все зло міра. Онъ зналъ, что изъ мака дѣлается опіумъ; можетъ быть, эта мысль, разрастаясь и принимая чудовищные размѣры, заставила его создать страшный фантастическій призракъ. *Цвѣтокъ въ его глазахъ осуществлялъ собою все зло; онъ впиталъ въ себя всю невинно-пролитую кровь* (оттого онъ и былъ такъ красенъ), *всѣ слезы, всю желчь человѣчества.* Это было таинственное, страшное существо, противоположность Богу, Ариманъ, принявшій скромный и невинный видъ. Нужно было сорвать его и убить. Но этого мало—нужно было не дать ему при издыханіи излить все свое зло въ міръ. Потому-то онъ и спряталъ его у себя на груди. Онъ надѣялся, что къ утру цвѣтокъ потеряетъ всю свою силу. Его зло перейдетъ въ его грудь, его душу, и тамъ будетъ побѣждено или побѣдитъ—тогда самъ онъ погибнетъ, умретъ, но умретъ, какъ честный боецъ и какъ первый боецъ человѣчества, потому что до сихъ поръ никто не осмѣливался бороться разомъ со всѣмъ зломъ міра». [2]).

Впервые воспріявъ въ свою чуткую душу ужасъ войны, Гаршинъ провалился въ самую глубь трагизма. Война и то, что Гаршинъ ощутилъ въ ней и около нея, все разростаясь и разростаясь, ушло, въ концѣ концовъ, гораздо дальше и глубже того, чѣмъ поражаетъ болѣе внѣшній, картиночный ужасъ художественнаго таланта Верещагина, которымъ восхищался Всеволодъ Михайловичъ. Для Гаршина – война не одинъ только ужасъ пролитія крови, взятый грубо эмпирически, за нимъ открывалось что-то неизмѣримо болѣе глубокое, большое, не имѣющее точнаго очертанія,

---

1) Собр. соч., 81 стр., 2 кн.
2) Тамъ же, 86—87 стр.

Digitized by Google

прямого названія. Подъ этимъ страшно шевелился невыразимый ужасъ хаоса, какой-то мучительно-спутанный, невыявленный, неназываемый клубокъ всевозможныхъ болящихъ развѣтвленій, какая-то бездна зла, узелъ узловъ трагизма—давящая мертвая петля ужаса жизни. «Война», «печальное положеніе нашего солдата», «злоупотребленія, царящія въ арміи», и все такое, что, по мнѣнію г. Скабичевскаго и другихъ біографовъ, возмущало Гаршина,—это только эмпирическіе, грубо раціоналистическіе значки надъ чѣмъ-то необъятно-большимъ, бездонно-глубокимъ и невыразимо-мучительнымъ, невыразимо-страшнымъ, совсѣмъ ирраціональнымъ и мистическомъ въ сути своей. Въ остротѣ и напряженности впечатляемости всей этой невыразимой, но до ужаса ощутимой боли жизни—сила Гаршинской правды, его «краснаго цвѣтка». Гл. Ив. Успенскій въ своей замѣткѣ «Смерть Гаршина» очень тонко схватываетъ эту внѣконкретность выраженія Гаршина, какъ свидѣтельство особенной художественной чуткости. «Въ его маленькихъ разсказахъ и сказкахъ,—говоритъ Гл. Успенскій,—иногда въ нѣсколько страничекъ, положительно исчерпано все содержаніе нашей жизни, въ условіяхъ которой пришлось жить и Гаршину, и всѣмъ его читателямъ. Говоря—«все содержаніе жизни нашей», я не употребляю здѣсь какой-нибудь пышной и необдуманной фразы,—нѣтъ, именно все, что давала наиболѣе важнаго его уму и сердцу (наша—не значитъ только русская,—а жизнь людей нашего времени вообще), все до послѣдней черты пережито, перечувствовано имъ самимъ жгучимъ чувствомъ и именно потому-то и могло быть высказано только въ двухъ, да еще такихъ маленькихъ книжкахъ. Пристрастіе къ изложенію своихъ мыслей въ сказочной формѣ есть прямой признакъ необыкновенной чувствительности къ жизненнымъ впечатлѣніямъ. Написать о какомъ-либо явленіи жизни обстоятельно, подробно и много,—было не по нервамъ Гаршина: ему нужно было какъ можно скорѣе освобождать себя отъ угнетающаго впечатлѣнія переживаемыхъ фактовъ; они ясны ему до поразительности, и вотъ на помощь ему пришла сказка и аллегорія, *«расписывать» которыя подробно не позволяетъ чрезмѣрная чуткость нервовъ*. Облегченіе же себя отъ жгучести ощущаемыхъ жизненныхъ фактовъ было необходимо Гаршину еще и потому, что единичный жизненный фактъ, поразившій его, никогда не могъ

Digitized by Google

быть выдѣленъ его сознаніемъ изъ общаго строя жизни, ибо именно только такіе факты жизни, которые только связаны съ ея общимъ строемъ, и потрясали его нервы и завладѣвали всей его духовной дѣятельностью» [1]). Чѣмъ дальше, чѣмъ больше растравлялась его рана, воспаленіе души росло и росло, развѣтвляясь, утончаясь, углубляясь и мучая, мучая.

«Жизнь не только не сулила,—писалъ Успенскій о Гаршинѣ,—хотя бы малѣйшаго движенія отъ глубоко-сознаннаго зла къ чему-нибудь... да, хоть къ чему-нибудь лучшему, но, напротивъ, какъ бы окаменѣла въ неподвижности, ожесточилась на малѣйшія попытки не только хорошо думать, но и хорошо дѣлать. Изо дня въ день, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, изъ года въ годъ и цѣлые годы, и цѣлые десятки лѣтъ, каждое мгновеніе, остановившаяся въ своемъ теченіи жизнь била по тѣмъ же самымъ ранамъ и язвамъ, какія давно уже наложила та же жизнь на мысль и сердце. Одинъ и тотъ же ежедневный «слухъ»—и всегда мрачный и тревожный; одинъ и тотъ же ударъ по одному и тому же больному мѣсту, которому надобно «зажить», поправиться, отдохнуть отъ страданія; ударъ по сердцу, которое проситъ добраго ощущенія, ударъ по мысли, жаждущей права жить, ударъ по совѣсти, которая хочетъ ощущать себя. Десятками лѣтъ идетъ какое то безпрерывное, непрестанное, неумолимо-настойчивое отталкиваніе человѣка отъ малѣйшей попытки «поступить»—вотъ что дала Гаршину жизнь послѣ того, какъ онъ уже жгуче перестрадалъ ея горе. Немудрено послѣ этого понять, что загипнотизированный окаменѣвшей на десятки лѣтъ дѣйствительностью, подавленный неподвижностью грозныхъ вопросовъ жизни, онъ могъ, при *обиліи мыслей* о своихъ, къ этой дѣйствительности, *обязанностяхъ*, потерять даже тѣнь *хотѣнія* жить во имя желательнаго, и пришелъ къ возможности, думая объ одномъ, дѣлать совершенно ему *противоположное*» [2]).

Израненная душа Гаршина судорожно бьется въ сложной паутинѣ безчисленныхъ противорѣчій жизни, отравляющихъ ее своимъ ядовитымъ жаломъ. Его мучаетъ величайшій трагизмъ личности, на которую жизнь наваливается тяжелой глыбой, давитъ, комка-

[1]) „Памяти Гаршина", 156—157 стр.
[2]) „Памяти Гаршина", стр. 159—160.

Digitized by Google

отъ. «Огромному, невѣдомому тебѣ организму, котораго ты составляешь ничтожную часть, захотѣлось отрѣзать тебя и бросить. И что можешь сдѣлать противъ такого желанія ты?

«Ты, палецъ—отъ ноги?..» [1])

Всѣ скорбныя, томящія впечатлѣнія жизни вплетаются имъ въ этотъ основной узелъ боли. Разлагающая сила анализа вскрываетъ предъ нимъ дымящуюся бездну живого зла, зло клубится вокругъ его сердца и мучитъ, терзаетъ душу. Борьба начиналась снова и снова, Гаршинъ въ отчаяніи съ тайной послѣдней надеждой стискиваетъ спрятанный на своей груди «Красный цвѣтокъ» зла, и чувствуетъ, «что изъ цвѣтка длинными, похожими на змѣи, *ползучими потоками извивается зло;* они опутывали его, сжимали и сдавливали члены и пропитывали все тѣло своимъ ужаснымъ содержаніемъ. Онъ плакалъ и молился Богу въ промежутки между проклятіями, обращенными къ своему врагу» [2]). Горящая мощь порыва просыпалась въ немъ, временами переходя въ безуміе, *хотѣлось сразу сгорѣть въ огнѣ послѣдняго всеисцѣляющаго озаренія*, онъ пытается разорвать гордіевъ узелъ послѣднимъ напряженіемъ, мигомъ радости черезъ отчаянный скачекъ въ бездну. Это жаръ религіознаго возбужденія, жгуче-страстнаго, свято-безумнаго хмеля отчаянія, душа мучительно напрягается въ величайшемъ усиліи и ищетъ выхода въ чемъ то экстатическомъ, въ вымогательствѣ чуда.

Въ «Надеждѣ Николаевнѣ» жалость къ натурщицѣ, боль обиды за нее переходитъ въ любовь, и любовь эта жаждетъ чудеснаго исцѣленія, полнаго преображенія дѣйствительности; и въ огнѣ этого вымученнаго ожиданія, въ этой жаждѣ спасенія горитъ герой повѣсти. «И вотъ пришло это странное и несчастное созданіе (Надежда Николаевна), съ разбитой жизнью и страданьемъ въ глазахъ; жалость сперва овладѣла мною; негодованіе противъ человѣка, выражавшаго къ ней презрѣніе, сильнѣе заставило меня взять ея сторону, а потомъ... Потомъ я не знаю, какъ это случилось... Но Соня была права: я любилъ ее мучительною и страстною первою любовью человѣка, до двадцати пяти лѣтъ не знавшаго любви. Я хотѣлъ бы вырвать ее изъ ужаса, въ которомъ она терзалась,

---

[1]) Соб. соч., I кн., 133 стр.
[2]) Соч. II, кн., 87—88 стр.

Digitized by Google

унести на своихъ рукахъ куда нибудь далеко, убаюкать ее на своей груди, чтобы она могла забыться, оживить это убитое лицо улыбкой счастья“ [1]). „Что то налетѣло на нее, закружило ее, сбило съ ногъ и повалило въ грязь, а я подниму ее изъ этой грязи, прижму къ груди и успокою около нея эту изстрадавшуюся жизнь“ [2]).

Вся боль собирается въ одну точку и исцѣленіе-спасеніе вымогается, какъ чудо, къ нему взываетъ отчаявшаяся душа, какъ единственному избавленію отъ зла, вида котораго нельзя дальше выносить... Въ повѣсти „Художники“, гдѣ даны два типа художника, одинъ, Дѣдовъ, весь въ жизни, въ свѣтѣ непосредственнаго обаянія золотого луча солнца, имъ, этимъ лучомъ самосвѣтящагося искусства, онъ можетъ жить, какъ правдой. Гаршинъ не столько отрицаетъ его другимъ типомъ, сколько безсиленъ передъ его психологіей, *не можетъ вмѣстить*. Это, Дѣдовское начало, пожалуй и живетъ въ Гаршинѣ, какъ личности, но живетъ *внѣшне*, какъ чужое ему, его сути. Онъ не можетъ овладѣть этимъ живущимъ въ немъ, собственнымъ-же началомъ непосредственной прелести жизни и творчества. Гаршина отрываетъ отсюда другое начало его индивидуальнаго „я“, скорбно-болящее, недоумѣнное. Это Рябининъ,—неменьшій художникъ, но онъ весь въ неразрѣшимой боли, его вырываетъ изъ жизни, изъ длящагося процесса культурнаго созиданія—необъятность вопрошаній... Взывая о личности, о гибели ея подъ колесомъ культуры, Рябининъ не можетъ найти примиренія, онъ бунтуетъ—и исходъ для него только въ подвигѣ спасающаго чуда... или, быть можетъ, такой-же гибели. Онъ нарисовалъ своего мучительно-страшнаго „Глухаря“, „въ измученныхъ глазахъ, страдальчески-смотрящихъ съ полотна, вопль, вложенный художникомъ въ него“. Рябининъ не можетъ отойти, оторваться отъ взывающей боли своего созданія, она останавливаетъ потокъ жизни, — эта картина, и вся глубина смысла ея, въ концѣ концовъ, въ томъ чтобы *остановить жизнь... до мгновенно-чудеснаго разрѣшенія ея трагизма*. Весьма характерно для Гаршина, что это *послѣдняя* картина его трагическаго творца — Рябинина. „Я доволенъ ею,—говоритъ онъ,—ничто мнѣ такъ не удавалось, какъ эта прекрасная вещь. Бѣда только въ томъ, что это доволь-

[1]) Соч., II кн., 169—170 стр.
[2]) Тамъ же, 170 стр.

Digitized by Google

ство не ласкаетъ меня, а мучаетъ. *Это не написанная картина, это—созрѣвшая болѣзнь. Чѣмъ она разрѣшится я не знаю, но чувствую, что послѣ этой картины мнѣ нечего уже будетъ писать*[1]).

И Гаршину послѣ „Краснаго цвѣтка“, въ сущности, нечего было писать, не въ условно-литературномъ смыслѣ, а въ высшемъ смыслѣ. Такую пѣсню дано было пѣть только мгновенье и съ смертью мгновенія—онъ умираетъ. „*Смотришь, и не можешь оторваться, чувствуешь за эту измученную фигуру.* Иногда мнѣ даже слышны удары молота... Я отъ него сойду съ ума. Нужно его завѣсить“... [2]). Но чѣмъ и какъ завѣсить? Въ этомъ трагизмъ Гаршина, и его Рябинина, какъ личности. „Кто позвалъ тебя? Я, я самъ тебя создалъ. Я вызвалъ тебя, только не изъ какой-нибудь „сферы“, а изъ душнаго, темнаго котла, чтобы ты ужаснулъ своимъ видомъ эту чистую, прилизанную, ненавистную толпу. Прійди, силою моей власти прикованный къ полотну, смотри на него, на эти фраки и трэны, крикни имъ: „Я—язва растущая!“ Ударь ихъ въ сердце, лиши ихъ сна, стань передъ ихъ глазами призракомъ! *Убей ихъ спокойствіе, какъ ты убилъ мое...* [2]) Убито спокойствіе, убита и жизнь, внѣ трагизма подвига, сжигающаго душу жаждой всеспасающей правды. Рябининъ не можетъ допустить, не хочетъ позволить, чтобы отъ „Глухаря“ его, отъ этого ужаса жертвы приносимой міру культуры, можно было имѣть силу оторваться, смѣть оторваться. Нельзя невозможно, — стыдно, да и безнадежно отрываться. Тоже и въ зовѣ „Краснаго цвѣтка“. Здѣсь затянувшая въ свою власть душу Гаршина, больно сверлящая его сердце черная точка спасенія... или гибели, отверстіе въ бездну послѣдняго свѣта или послѣдней тьмы конца...

Отсюда освѣщается и то психологически-сложное отношеніе Гаршина къ стихіи безумія, которая порою захлестывала его, въ которой онъ захлестывался въ тревогѣ и трепетѣ взываній... и, наконецъ, потонулъ...

Какъ то, когда Гаршинъ совсѣмъ сталъ оправляться послѣ кризиса, пережитаго имъ весной 1880 г., въ деревнѣ своего дяди, Аки-

---

[1]) Соч., I кн., 169 стр.
[2]) Тамъ-же, 170 стр.

Digitized by Google

Stanford University Libraries

мова, произошла такая сцена. «Въ одинъ весенній день 1882 года,—разсказываетъ самъ В. С. Акимовъ,—мы пріѣхали въ Николаевъ по дѣламъ. Послѣ пятичасовой бѣготни по городу, я нашелъ Всеволода уже собравшимся въ обратный путь и очень сконфуженнымъ. Онъ разсказалъ мнѣ, что, за полчаса предъ тѣмъ, онъ тутъ же въ ресторанѣ пилъ кофе и усѣлся напротивъ стеклянной двери, за которой, въ швейцарской, висѣло его пальто, и прежде чѣмъ онъ выпилъ свой кофе, пальто было украдено у него подъ носомъ. Успокоивъ его и посмѣявшись надъ его разсѣянностью, я хотѣлъ выйти, чтобы распорядиться о лошадяхъ, какъ вдругъ онъ бросился ко мнѣ на шею и со слезами говорилъ: «дядя, дядя, я чувствую, что все это прошло; *никакихъ проклятыхъ вопросовъ нѣтъ,* и вся моя горькая и несчастная жизнь съ реальнаго училища гдѣ то потонула». То была кульминаціонная точка. Увы! скоро послѣ этого порыва, наполнившаго мою душу гордой радостью, я началъ замѣчать, что съ каждой почтой, приносившей Всеволоду множество объемистыхъ писемъ, онъ сталъ грустить, задумываться и заговаривать со мной о томъ, что онъ совершенно здоровъ и что невозможно далѣе продолжать dolcefarniente» [1]).

Въ этомъ странно-утѣшающемся плачѣ Гаршина слышится не одна только радость выздоровленія, — «никакихъ проклятыхъ вопросовъ нѣтъ»,—но и какая то горечь потонувшей прежней жизни, какая то смутная тревога за исчезнувшую боль, за то, что прошло, быть можетъ, за тайную надежду «въ минуты отчаянія найти правду, къ которой онъ стремился, что было силъ»... Тутъ радость облегченія, но и боязнь этого облегченія — выздоровленія, тоска по боли черезъ радость успокоенія... Странно, но въ равнинѣ жизни, въ уравновѣшенной нормальности для Гаршина не было прочнаго мѣста, что онъ и самъ смутно чувствовалъ. Возможность безбольнаго существованія, здоровой, увѣренной, планомѣрной работы —для него потеряна безвозвратно, *просто, совсѣмъ просто* вернуться къ жизни—онъ уже не можетъ,—и въ этомъ его трагизмъ. Ужасъ приступовъ безумія, пароксизмъ «проклятыхъ вопросовъ» проходитъ,—казалось бы тутъ то и исцѣленіе, но на

---

[1]) «Красный цвѣтокъ», стр. 16.

Digitized by Google

мѣсто ничего не наступаетъ, совсѣмъ пустота, какая то странная, мертвая зыбь вмѣсто бѣшеной качки, и это невыносимо для Гаршина. Въ этой особенности его душевнаго сложенія было что-то страшное, роковое... Какъ ни странно подумать, а думается, что Ефимовка дяди Акимова играла въ судьбѣ Гаршина роль, подобную той, которую въ знаменательномъ разсказѣ Чехова «Черный монахъ» играетъ добродушный Песоцкій и его Таня въ судьбѣ Коврина. Но только съ Гаршинымъ дѣло не было доведено до конца... Я не то, конечно, хочу сказать, что Гаршина *не слѣдовало лечить*, это было-бы грубое, внѣшнее пониманіе. Но страшно и значительно то, что его *нельзя было вылечить*, боль его была больше и глубже его болѣзни. Естественная стихія Гаршина — стихія трагизма, но онъ трепещетъ ея, потому что она есть въ то же время стихія безумія, стихія отчаянія и гибели его, но онъ смутно чувствуетъ, съ ужасомъ чувствуетъ, что и внѣ этой трагической стихіи ему не жить. Онъ предугадывалъ въ иныя минуты — неотвратимость своей гибели, и здѣсь, быть можетъ, самая мучительная страница его біографіи. Какъ герой той сказки Тавологина, разработкой которой Н. К. Михайловскій задумывалъ увлечь Гаршина, Гаршинъ могъ пѣть по настоящему, пробыть въ упоеніи экстаза, тоже, м. б., только три раза. Три раза старикъ въ своемъ пророчествѣ далъ герою силу пѣть во весь голосъ души своей, на третьемъ — смерть. Что-то такое подстерегало и Гаршина въ его судьбѣ. Скажемъ — война, весна 1880 года и смерть, или другія точки, вообще ихъ немного, но въ нихъ вся душа загорается всею силою боли своей, въ нихъ немногихъ истощенная, она замираетъ на послѣднемъ усиліи. Все это собрано въ одну точку напряженія всѣхъ силъ души, взывающей къ правдѣ, въ «Красномъ цвѣткѣ», въ попыткахъ къ чудотворному разрѣшенію трагизма зла — однимъ вдохновеніемъ героическаго взмаха души, въ устремленіяхъ къ мгновенно-огненному, молніеносному озаренію проблемы теодицеи.

«Помню,—разсказываетъ Фаусекъ въ своихъ воспоминаніяхъ,— какъ однажды онъ прочиталъ мнѣ наизусть — наизусть онъ зналъ множество стиховъ — любимое свое Лермонтовское стихотвореніе: «*Не смѣйся надъ моей пророческой тоской, я зналъ, ударъ судьбы меня не обойдетъ*»... Онъ стоялъ

Digitized by Google

передо мной, неподвижно вперивъ въ меня взглядъ, и въ его печальныхъ, серьезныхъ глазахъ, въ его глухомъ, взволнованномъ голосѣ было столько тоски, столько глубокаго убѣжденія, столько увѣренности въ пророческой правдѣ тѣхъ словъ, которыя онъ произносилъ. «Но я безъ страха жду довременный конецъ,—давно пора мнѣ міръ увидѣть новый»—читалъ онъ, и я слышалъ въ этихъ словахъ и въ его тонѣ выраженіе его задушевной мысли, безнадежной, тяжелой увѣренности въ своей гибели». [1])

Душевная драма Гаршина въ томъ, что ему съ его трагическимъ вымоганіемъ правды, какъ чуда *изъ отчаянія*,—не за что зацѣпиться, нечѣмъ дышать въ жизни длящейся, текущей, онъ не *въ исторіи*, а *надъ исторіей*, въ немъ крикъ отчаявшейся *боли за личность*, но *нѣтъ мѣста культурѣ*, *Богъ*—но нѣтъ *міра*. Онъ весь—въ страданіи, въ мучительствѣ, въ подвигѣ, жизнь Гаршина—крестъ, Голгофа, жизнь непереходящая, вѣчная, жизнь въ смерти,—въ спасеніи или гибели, но не въ жизни преходящей, въ немъ—*мигъ и вѣчность*, но нѣтъ *времени*. Гаршинъ весь въ томъ, что «времени больше не будетъ», не должно, не можетъ быть. Тутъ трагизмъ правды личности заостренной до самой острой точки, до отверженія міра, до отшельничества. Смыслъ праведности и смыслъ исторіи, личности и жизни встрѣчается здѣсь въ болящей коллизіи страшныхъ сѣченій и отрицаній. Вся эта боль собирается въ одну сверлящую точку его совѣсти.

Въ психологіи совѣсти есть два полюса на одномъ мгновенно—горящее, животворящее, на другомъ длящееся—косное, мертвое, убивающее—«соляной столпъ», святое и грѣшное, пламя и пепелъ, подлинная религіозность и тупое моральничанье, бездна свѣта и плоскость смерти. Несомнѣнно, что совѣсть въ заостреніяхъ своихъ, живыхъ въ вѣчности, останавливаетъ жизнь во времени, культуру, отворачивается отъ нея, подымаетъ бунтъ, но есть въ ней *своя собственная культура*, такъ сильно и своеобразно взлелѣянная русской исторіей и русской литературой.

Эта культура живой горящей совѣсти—зіяющая рана, жажда мгновенныхъ озареній, мига всеразрѣшенія, всеоправданія, всеспасе-

---

[1]) „Памяти Гаршина“, 85-86 стр.

Digitized by Google

нія, на меньшемъ онъ не успокоится. Эта особенная, своя собственная культура подвижничества, мученичества, жертвы; не опростительства, но истинно религіозная культура жгуче-страстнаго ожиданія языковъ сходящихъ съ неба, религіознаго огня пожирающаго всю неправду жизни въ правдѣ Божіей, все сжигающая въ боли совѣсти.

И вотъ реальность жизни Гаршина и его творчества въ такомъ пониманіи вдругъ озаряется мистическимъ свѣтомъ, взыванія и вопрошанія его переходятъ изъ посюсторонняго въ потустороннее. Гаршинъ освѣщается религіознымъ заревомъ христіанскихъ настроеній, и отсюда понимается, какъ религіозный типъ. Пусть даже его христіанство—только тѣнь христіанства, но *живая* тѣнь омертвѣвшаго въ офиціальномъ исповѣданіи историческаго христіанства. Пусть христіанство Гаршина—христіанство безъ Христа, крестъ безъ Христа,—хотя прямого, окончательнаго отвѣта въ этомъ смыслѣ не можетъ дать его біографія. Вѣра скорѣе всего въ немъ жила, онъ молился, но это не было выявлено въ развившемся религіозномъ сознаніи, и, быть можетъ, не было приведено, по крайней мѣрѣ въ сознательную, видимую связь съ его интеллигентскими переживаніями. Умирая, онъ прошепталъ блѣдными губами: «Слава Богу», «и, *придерживая здоровой больную руку, осѣнилъ свою наболѣвшую грудь широкимъ знаменіемъ креста*».

Въ образѣ В. М. Гаршина, какъ онъ рисуется намъ, явственно чувствуется скрытое христіанское питаніе. Религіозный нервъ аскетизма обнажается въ его болѣніяхъ и порываніяхъ. Чѣмъ онъ не подвижникъ, не мученикъ, не угодникъ Божій! То, что въ немъ жило жизнью подлинной, пламенно-горящей, свѣтящейся, то только холоднымъ пепломъ лежитъ на монашескомъ покровѣ христіанской современности. Но корень одинъ, что тутъ остыло захолодѣло, осорилось, но какъ свѣча чистаго воска горѣло въ душѣ Гаршина. И въ личности, жизни и творчествѣ Гаршина слишкомъ явственно сѣмена христіанской культуры, глубоко заложенныя въ глубинахъ русской исторіи, проростаютъ на такой почвѣ, гдѣ ихъ присутствіе меньше всего ожидали.

Digitized by Google

Stanford University Libraries

Digitized by Google

Digitized by Google

3 6105 027 073 977

PG
3460
G3Z72

CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(650) 723-1493
grncirc@sulmail.stanford.edu
All books are subject to recall.

DATE DUE

JUN 30 2003
JUL 26 2005
JAN 13 2006
JUN 30 2006

Digitized by Google

Digitized by Google